

Евгений Кузьмин

ПОТУСТОРОННЕЕ И МЕТОДОЛОГИЯ «НОВОЙ НАУКИ» В ПОВЕСТИ В.Я. БРЮСОВА *ОГНЕННЫЙ АНГЕЛ*

1. Введение

Повесть *Огненный ангел*, вне всякого сомнения, заслуживает самого пристального, особого внимания исследователей творчества Валерия Яковлевича Брюсова (1873–1924). Она плотно насыщена как воспроизведением личных переживаний, биографического материала, так и разного рода философскими идеями. Повесть является отражением мыслей, занимавших автора долгие годы. Ведь на обдумывание и написание текста у Брюсова ушло очень много времени (1897–1908), при достаточно скромном объеме произведения.¹

Значение повести *Огненный ангел* для изучения жизни, творчества, философских идей Брюсова лежит на поверхности. И все же, как нам кажется, это никогда не было в достаточной степени осознано. Набор базовых вопросов, ответы на которые пытались найти исследователи в *Огненном ангеле*, поразительным образом крайне ограничен. Пожалуй, исключением является статья Белецкого, которая касается чрезвычайно широкого спектра проблем.² Но подобный обзорный характер не позволяет автору слишком углубляться в отдельные темы.

В первую очередь, пристальное внимание было традиционно приковано к автобиографическим мотивам, к соответствию любовного треугольника в повести (Рупрехт – Рената – Генрих фон Оттергейм) отношениям Валерия Брюсова, Нины Ивановны Петровской (1879–1928) и Андрея Белого

¹ А. Белецкий, «Первый исторический роман В.Я. Брюсова», в *Научные записки Харьковского пединститута*, том 3 (Харьков, 1940), 5-32 (<http://www.litrusia.ru/book/export/html/72>); С.С. Гречишкин, А.В. Лавров, «О работе Брюсова над романом «Огненный ангел.» в *Брюсовские чтения 1971 года*. (Ереван, 1973), 121-137 (<http://www.trediakovsky.ru/content/view/56/41>); Е. Чудецкая, «*Огненный ангел*: История создания и печати». В книге: В. Я. Брюсов, *Собрание сочинений*, 7 томов (Москва: Художественная литература, 1973-1975), т. 4, 341-349.

² Белецкий, А. «Первый исторический роман В.Я. Брюсова», 5-32 (<http://www.litrusia.ru/book/export/html/72>).

(1880–1934).³ И это понятно – такой взгляд на повесть методологически вполне оправдан. Он позволяет выяснить соответствия между фактами биографии автора и миром его идей. В случае же с *Огненным ангелом* личная подоплека любовной коллизии повести была широко известна. Андрей Белый описал ее в своих мемуарах.⁴ Однако, широчайшую известность история получила все же благодаря статьям Владислава Фелициановича Ходасевича (1886–1939) «Конец Ренаты» и «Брюсов», опубликованным в его книге *Некрополь*.⁵ Таким образом, тема оказалась на поверхности, и к ее изучению было легко прийти.

Другое важное направление исследований – это рассмотрение повести *Огненный ангел* в качестве исторического произведения.⁶ И здесь также

- ³ С.С. Гречишкин, А.В. Лавров, «Биографические источники романа Брюсова 'Огненный ангел'», *Ново-Басманная*, 19 (Москва, 1990), 530–589. Ранее в: *Wiener Slavistischer Almanach* 1-2 (1978), 79–107; 73–96 (<http://www.trediakovsky.ru/content/view/63/41/>). Рецензия: Бахрах А., «Венские слависты», *Русская мысль* (1978), 3236, 28 декабря, 8; М.А. Бенькович, «'Огненный ангел' Валерия Брюсова (Этап интеллектуальной дуэли)», *Из истории русской литературы и литературной критики: Вопросы русского языка и литературы; Мужевузовский сборник* (Кишинев, 1984), 18–36; М.Л. Мирза-Авакян «Образ Нины Петровской в творческой судьбе В.Я. Брюсова», *Брюсовские чтения 1983 года* (Ереван, 1985), 223–234; Joan Delaney Grossman, «Valery Briusov and Nina Petrovskaja: Clashing Models of Life in Art», *Creating Life: The Aesthetic Utopia of Russian Modernism*, edited by Irina Paperno and Joan Delaney Grossman (Stanford, California: Stanford University Press, 1994), 122–150, 256–265; her, «Russian Symbolism and the Year 1905: The Case of Valery Bryusov» *The Slavonic and East European Review* 61:3 (1983): 341–362; З.Г. Минц, «Граф Генрих фон Оттергейм и 'московский ренессанс'», *Символы творчества: Статьи. Воспоминания. Публикации* (Москва, 1988), 215–240; Liliana Kern, *Der feurige Engel: Das Leben der Nina Petrowskaja* (Berlin: Berliner Taschenbuch Verlag, 2006). Переписка Петровской и Брюсова недавно была опубликована: Брюсов, Валерий и Нина Петровская. *Переписка: Нина Петровская (1904–1913)* (Москва: Новое литературное обозрение, 2004). Несмотря на многочисленные упоминания повести в письмах, здесь можно очень мало почерпнуть о соответствии между текстом произведения и реальными жизненными обстоятельствами.
- ⁴ Андрей Белый, *Начало века* (Москва и Ленинград: ГИХЛ, 1933), 276–285.
- ⁵ Первое издание: В.Ф. Ходасевич, *Некрополь: Воспоминания* (Bruxelles: Petropolis, 1939). Впоследствии книга многократно переиздавалась. Упомянутыми очерками книга начинается.
- ⁶ З.И. Ясинская, «Исторический роман Брюсова *Огненный ангел*». В *Брюсовские чтения 1963 года*, редактор-составитель К.В. Айвазян, 101–153 (Ереван: Армянское государственное издательство, 1964); А. Белецкий, «Первый исторический роман В.Я. Брюсова» в *Научные записки Харьковского пединститута*, т. 3 (Харьков, 1940), 5–32 (<http://www.litrusia.ru/book/export/html/72>); Э.С. Литвин, «Эволюция исторической прозы Брюсова», *Русская литература* 2 (1968): 155–162; Пуришев, Б. «Брюсов и немецкая культура XVI века», *Собрание сочинений*, т. 4, 328–341. Впервые опубликовано в: *Брюсовские чтения 1966 года*, под ред. К. Айвазян (Ереван: Айастан, 1968); В.И. Швыряев, «Концепция истории в творчестве Брюсова», *Вестник МГУ. Филология* 2 (1975): 18–19; Pierre Hart, «Time Transmuted: Merezhkovskij and Brjusov's Historical Novels», *Slavic and East European Journal* 31:2 (1987): 187–201; С.Д. Абрамович, «Вопросы историзма в романе Брюсова *Огненный ангел*» В *Вопросы русской литературы*,

мотивы вполне ясны. Брюсов был профессиональным историком. Он окончил историко-филологический факультет Московского университета (1893–1899), в последствии сотрудничал в *Русском архиве*. Поэтому связь его научных интересов, личных воззрений и творческих установок не может не вызывать интереса. Тем более что *Огненный ангел* – первое большое прозаическое произведение Брюсова на историческую тему. При этом серьезность подхода автора к написанию повести и тщательность в подборе фактов не вызывают сомнения. Достоверности и воссозданию атмосферы эпохи он уделил самое пристальное внимание. Сам В. Я. Брюсов, например, писал в *Miscellanea: Замечания, мысли об искусстве, о литературе, о критиках и о самом себе*.⁷ «Работая над своим *Огненным ангелом*, я изучил XVI век, а также то, что именуется ‘тайными науками’, знаю магию, знаю оккультизм, знаю спиритизм, осведомлен в алхимии, астрономии, теософии».⁸ Брат поэта, Александр Яковлевич Брюсов (1885–1966), сообщает следующее:

Когда же Валерий писал о вещах, ему лично неизвестных, в частности о давно прошедших временах, то он с исключительной тщательностью изучал малейшие подробности жизни в описываемую эпоху, не позволяя себе никакой выдумки в этом отношении, за исключением, конечно, фабулы. Когда он писал свой роман «Огненный ангел», он перечитал и просмотрел массу книг и справочников, чтобы выяснить: что ели и пили люди в раннем Средневековье в разных странах; каков был покрой их одежды; как и на чем совершались поездки и т.д. Тут были и «Молот ведьм» Шпрегера и Инститора, и «Адский словарь», и многотомное немецкое издание с описанием одежды всех веков и народов...⁹

Вып. 2 (22), ответственный редактор М.А. Назарок (Львов, 1973), 88-94; Л.М. Ельницкая, «Своеобразие историзма в романе Брюсова *Огненный ангел*», *Научные труды Тюменского университета*, 30 (Тюмень, 1976), 58-76; Л.М. Чмыхов «Некоторые вопросы брюсовской теории исторического романа», *Брюсовский сборник*, отв. ред. В.С. Дронов (Ставрополь, 1974), 3-36. Историчность, понимание «правды» у Брюсова и его восприятие времени в: Н.В. Барковская, «Поэтика символистского романа», диссертация, Екатеринбург, 1996, 67-102. Разумеется, перечислены работы, в которых тема специально подчеркнута. Но вопрос историчности так или иначе поднимался практически во всех текстах об *Огненном ангеле*.

⁷ По замыслу то должна была быть книга, состоящая из отрывочных мыслей. Но Брюсов так ее никогда и не закончил. Разные короткие тексты, заготовленные для этого сочинения, печатались раздельно.

⁸ Валерий Брюсов, «Моя Юность» В *Из моей жизни: Автобиографическая и мемуарная проза*, редакция и комментарии В.Э. Молодякова (Москва: Терра, 1994), 198, Валерий Брюсов, *Собрание сочинений*, 7 томов (Москва: Художественная литература, 1973-1975), том 6, 400 (далее в тексте – *Собр. соч.*).

⁹ А.Я. Брюсов, «Воспоминания о брате». В *Брюсовские чтения 1962 года*, ответственный редактор К.В. Айвазян, 293-301 (Ереван: Армянское государственное издательство, 1963).

Узость направления исследований обусловила и заметную ограниченность в использовании материалов. А ведь Брюсов долго и тщательно собирал разнообразную информацию для повести. И потому было бы крайне интересно и важно проследить ее использование в других произведениях. Это позволило бы лучше понять как интерпретацию Брюсовым исторических процессов, его подход к истолкованию фактов, так и общие философские, эстетические установки. В конце концов, сам замысел повести можно было бы прояснить через другие сочинения. А параллели между *Огненным ангелом* и многими текстами автора просто очевидны и лежат на поверхности. Иногда это отмечается, но, крайне редко и небрежно.

Приведем очевидный пример продуктивности сопоставления текстов. Идея выдать свое произведение за перевод старинной рукописи появляется как в *Огненном ангеле*, так и в рассказе «В подземной тюрьме: По итальянской рукописи начала XVI века». ¹⁰ В обоих текстах есть ведьма. Хотя в рассказе «В подземной тюрьме» она появляется лишь в эпизодической роли. В обоих произведениях речь идет о XVI веке, о сложных любовных взаимоотношениях. Линия «Италия-Германия» тоже любопытна. В *Огненном ангеле* действие происходит в Германии. Действие рассказа «В подземной тюрьме» разворачивается в Италии. Однако, первоначально, Брюсов планировал сделать главного героя *Огненного ангела* перебравшимся в Германию итальянцем. Можно привести и другие примеры. Но мы ограничимся лишь демонстрацией плодотворности подхода.

Теперь обратимся к содержанию повести. В число центральных мотивов *Огненного ангела* следует включить теоретические рассуждения о контактах с потусторонним, оккультные выкладки, а также их связь с оригинальными философскими построениями самого автора. Эта тема, несмотря на ее очевидную важность для понимания воззрений и творчества Брюсова, никогда не была раскрыта должным образом. Вскользь ее касается Белецкий. ¹¹ Он создает случайную мозаику разрозненных мнений и цитат. Главным образом, он говорит о спиритизме, но не ссылается на статьи Брюсова о нем. Белецкий пользуется терминами «оккультизм» и «мистика», не поясняя их. Получается неточная, нецелостная картина. Что понятно. Задачи Белецкого лежат в другой плоскости. Еще в какой-то мере пробел восполняет статья П. Замбелли. ¹² Но здесь *Огненный ангел* не нахо-

¹⁰ Впервые опубликовано в журнале *Весы* 5 (1906): 17-29. Текст не вошел в самое полное на сегодняшний день собрание сочинений в семи томах (Москва: Художественная литература, 1973-1975).

¹¹ А.Белецкий, «Первый исторический роман В.Я. Брюсова» в *Научные записки Харьковского пединститута*, том 3 (Харьков, 1940), 5-32. (<http://www.litrusia.ru/book/export/html/72>).

¹² Paola Zambelli, „Cornelius Agrippa, ein kritischer Magus“, *Die okkulten Wissenschaften in der Renaissance*, edited by August Buck, 65-89 (Wiesbaden: Otto Harrasswitz, 1992). Тема

дится в центре внимания. Статья в целом об образе Агриппы в литературе. Замбелли обращает внимание на рассматриваемый нами текст и на интерес Брюсова к реальному Генриху Корнелиусу Агриппе из Неттесгейма (1486-1535). Она указывает на конфликт между наукой и религией, между магической практикой и «благочестивой философией» в повести. Это, несомненно, важно и интересно. Только сама повесть *Огненный ангел* рассматривается в статье лишь фрагментарно и очень поверхностно. Иными словами, выходит, что один из основных мотивов повести так никогда специально не изучался.

Следует сделать оговорку относительно термина «оккультный», раз уж он был использован в предшествующем абзаце. Широко пользовался им и Брюсов.

В средние века и на заре Нового времени оккультными свойствами называли те, которые не обнаруживались при помощи органов чувств, умопостигаемые, скрытые. Наука о таких свойствах считалась оккультной. Значительная часть знания, предшествовавшего современным физике, астрономии, химии и другим наукам попадала в эту категорию вместе с магией. Но в последствии термины «оккультные науки», «оккультизм» стали общепринятыми наукообразными терминами для обозначения колдовства, астрологии, любых гаданий, алхимии, спиритизма и даже мистики, иными словами для обозначения разных областей человеческого знания активно отвергаемых современной официальной наукой.¹³ Маргинальный статус, отсутствие признания крупными учебными центрами и государственными учреждениями способствует нестабильности содержания термина. Каждый вправе наполнить его каким-то своим особым содержанием. В текстах Брюсова нет четкой формулировки, определения данного предмета. А обрывочные ремарки не дают четкого понимания точного употребления термина. Каким-то ключом является список оккультистов, который приводит он сам:

... в тех кругах ученых, которым обычно дается название оккультистов и в числе которых можно упомянуть имена: Луи де Сен-Мартена

оккультизма и «новой науки» Брюсова мелькает в книге: Joan Delaney Grossman. *Valery Bryusov and the Riddle of Russian Decadence* (Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1985). Особенно см. 164-5. Но и в других частях работы содержится ценная информация о философии Брюсова и о его источниках. Но особой темой «новая наука» здесь не является. Поэтому она и не рассматривается специально.

¹³ Keith Hutchison, "What Happened to Occult Qualities in the Scientific Revolution?", *Isis* 73 (1982): 233-53; Christoph Meinel, „Okkulte und exakte Wissenschaften“, *Die okkulten Wissenschaften in der Renaissance*, ed. August Buck (Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992), 22-43; Paul Richard Blum, „Qualitates occultae: Zur philosophischen Vorgeschichte eines Schlüsselbegriffs zwischen Okkultismus und Wissenschaft“, *Die okkulten Wissenschaften in der Renaissance*, ed. August Buck (Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992), 45-64.

(1743–1803), Фабра д'Оливе (1767–1825), Элифаса Леви (1810–1875), Луи Лукаса (1816–1863), Ш. Фовети (1813–1894), из позднейших – Станислава де Гуайта, Сент-Ив д'Альвейдра и др.¹⁴

Таким образом, оккультизм для Брюсова – это учение перечисленных здесь лиц. Как станет ясно далее в нашей статье, оккультизм у Брюсова был тесно связан с его научными интересами. А они столь очевидны, что не могли не привлекать внимания. Поэтому о науке в произведениях Брюсова писали, но практически без связи с оккультизмом.¹⁵

Для чего нужна наша статья? В ней поднята центральная и практически неисследованная тема повести *Огненный ангел* – общение с потусторонним. Важность данной темы очевидна. Она была значимой для Брюсова, а исследователи его творчества ее фактически проигнорировали.

Мы сочли недостаточным следовать одному лишь тексту повести. Ведь, как было показано, он имеет множество параллелей с другими произведениями Брюсова. Сопоставление разных текстов призвано выявить и максимально прояснить теоретическую подоплеку *Огненного ангела*. В свою очередь повесть подводит итог, суммирует многие, разбросанные по различным книгам, философские, теоретические построения Брюсова. Так что сопоставление текстов позволяет прояснить многие идеи автора, касающиеся потустороннего. И, как будет продемонстрировано в данной статье, эти идеи являются выражением довольно устойчивой системы взглядов Брюсова.

2. Колдовской опыт: Пусть к осмыслению

Одна из центральных тем *Огненного ангела* – интенсивный поиск ответа на вопрос как нужно колдовать. Столкновение с ведовством, с волшебством, с потусторонним так или иначе описывается во всей повести. Однако, первый свой личный колдовской опыт главный герой, Рупрехт, приобретает в третьей главе. То было общение с низшими демонами, которые на

¹⁴ В. Брюсов «Учители учителей», *Собр. соч.*, т. 7, 275–437 (278). Впервые печаталось в журнале Горького *Летопись* в 1917 году, с 5 по 12 номер.

¹⁵ Например: К.С. Герасимов, «Научная поэзия Валерия Брюсова». В *Брюсовские чтения 1962 года*, ответственный редактор К.В. Айвазян, 89–126 (Ереван: Армянское государственное издательство, 1963); Его, «Штурм неба в поэзии Валерия Брюсова», *Брюсовские чтения 1963 года*, редактор-составитель К.В. Айвазян, 130–153 (Ереван: Армянское государственное издательство, 1964) (здесь, впрочем, Брюсову приписываются совершенно несвойственные ему интенции: «Творчество зрелого Брюсова ... свидетельствует о стремлении выбраться из болота мистики и идеализма...»). Упомянутый ранее Белецкий также рассуждает о связи оккультизма, спиритизма, мистики и науки у Брюсова. Но он не углубляется в дотошное изучение источников, ограничиваясь лишь поверхностными замечаниями.

вербально задаваемые вопросы отвечают стуками.¹⁶ Несомненно, в данном случае речь идет о спиритизме. Сам автор указывает на это в примечании к *Огненному ангелу*.¹⁷ Брюсов хорошо знал тему. Он долгие годы активно увлекался спиритизмом, писал о нем, в том числе и для специально посвященного этой теме журнала, для *Ребуса*.¹⁸ Поэтому очень любопытны характерные особенности описанного в повести опыта. Первое, что привлекает внимание – это спонтанность. По сути, из текста на формальном уровне можно сделать вывод – ни Рупрехт, ни участница эксперимента Рената, не иницируют контактов с демонами. Стуки начинают раздаваться сами собой. Хотя текст намекает – Рената могла быть скрытой причиной, хотя ее влияние на происходящее никак не объясняется и не утверждается наверняка. Рупрехт устанавливает систему условных знаков и вступает в диалог. Герои повести контактируют не с душами умерших, а с низшими демонами. Это вступает в противоречие с догмой спиритизма. Обычно считается, что спириты общаются именно с мертвыми. Наконец, общение завершается обманом. Дух вводит в заблуждение Рупрехта и Ренату.¹⁹ Таким образом, спиритизм, по крайней мере, в определенной его форме, показан как интересное, реальное, но практически бесполезное занятие. После, почти в конце повести, Брюсов связывает стуки с «соблазнительями», с «духами коварства».²⁰ И все же, как будет показано далее, этот вовсе не является дискредитацией спиритизма.

¹⁶ *Собр. соч.*, том 4, 57-60, 62-64.

¹⁷ *Собр. соч.*, том 4, 308. Здесь Брюсов ссылается на свою статью как на доказательства существования спиритизма в описываемую эпоху, а значит исторической достоверности опыта Рупрехта и Ренаты: В. <В.Я. Брюсов>, «Спиритизм до Rochesterских стуков» *Ребус* 7 (17 февраля 1902): 69-71; 11 (17 марта 1902): 109-111; 14 (7 апреля 1902): 143-144; 18 (5 мая 1902): 180-181; 29 (21 июля 1902): 271-273.

¹⁸ Увлечение Брюсова спиритизмом широко известно и, так или иначе, упоминается в большом количестве его текстов или текстов о нем. Поэтому представляется нецелесообразным представлять и анализировать многочисленные материалы по данной проблематике в нашей короткой статье. См. на данную тему: Joan Delaney Grossman. „Alternate Beliefs: Spiritualism and Pantheism among the Early Modernists“, *Christianity and the Eastern Slaves*. Vol. 3: *Russian Literature in Modern Times* (1995), 111-133; Н.А. Богомолов. *Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы* (Москва: Новое литературное обозрение, 1999), 279-310 (раздел «Спиритизм Валерия Брюсова: Материалы и наблюдения»). Хотя, при всей серьезности и научной ценности, эти публикации не могут претендовать на полноту.

¹⁹ *Собр. соч.*, том 4, 64. Хотя Брюсов ссылается на свою статью «Спиритизм до Rochesterских стуков», лишь в последней части статьи (5) речь идет об общении с ангелами или демонами. Во всех остальных случаях приводятся явные случаи контактов с душами мертвых. Нет и примеров в статье «Спиритизм до Rochesterских стуков». Есть сходство в многочисленных деталях, присутствующих как в статье, так и в *Огненном ангеле* (общение посредством стуков, со значительными оговорками события в монастыре. Сходства и расхождения между двумя текстами крайне любопытны и заслуживают специального исследования).

²⁰ *Собр. соч.*, том 4, 248-249.

Второй опыт – полет Рупрехта на шабаш. Он отправляется туда по просьбе безответно любимой им Ренаты. Цель – задать вопрос самому Дьяволу. Вернувшись, Рупрехт пытается осознать произошедшее, раздумывая, было ли все наяву или в бреду. Он стремится подойти к проблеме предельно рационально: «Доводы шли ко мне с двух сторон, как войны двух враждебных партий, и мне нелегко было склонить весы моего разума на одну сторону, потому что на обе чаши их я мог класть все новые и новые соображения».²¹ Рупрехт приводит аргументы *pro et contra* реальности полета на шабаш. Особую роль он отводит не отвлеченным рассуждениям, но проверкам. Рупрехт сразу по возвращении исследовал свое тело на наличие знака, оставленного на его груди самим Дьяволом во время шабаша. Знака нет. Нет и садин на ногах, которые должны были образоваться от плясок и бега босиком. Во время присутствия на шабаше Рупрехту показалось, что он заметил там Ренату. Вернувшись или проснувшись, он первым делом бежит проверить спит ли его возлюбленная. Обнаружив ее в постели, можно подумать, будто Рупрехт убеждается в нереальности произошедшего. По крайней мере, он высмеивает свой опыт в разговоре с Ренатой: «Но я, в ответ, только смеялся и над Ренатой, и над своим полетом, говоря, что если все это реальность, то нелепая, если сон, то лживый, если предсказание, то из него из него вывести нельзя ровно ничего».²² Однако, решения, последовавшие за этим действия Рупрехта, свидетельствуют об иных настроениях, о его серьезном отношении к полету на шабаш. Полученный опыт лишь подталкивает главного героя повести к серьезному изучению магии:

Я добавил, что немногого добьешься, обращаясь к Дьяволу, как нищий проситель к заимодавцу, так как Дьявол слушает, видимо, лишь тех, кто приказывает ему, как господин слуге, и что вообще в мир бесов должно вступать силами знания, а не сомнительными чарами волхвования. Немедленно при этом изложил я пред Ренатой и целый план занятий тайными науками, магией, демономантией и дивинаторным искусством.²³

Далее, в другом месте повести, Рупрехт рассказывает о своем полете на шабаш ученику великого чародея Агриппы из Неттесгейма (см. ниже), Гансу, желая выяснить его мнение на этот счет. Ответ вначале получается слишком отвлеченным и общим. В нем магия трактуется с точки зрения медицины. Ганс заявляет: источники сведений о реальности колдовства –

²¹ *Собр. соч.*, том 4, 86 (гл. 5). Здесь и далее все ссылки на это издание текста. В скобках указывается глава, чтобы облегчить читателю поиск цитаты в других изданиях книги.

²² *Собр. соч.*, том 4, 88.

²³ *Собр. соч.*, том 4, 89.

это галлюцинации психически больных людей либо информация, полученная под пытками.²⁴ Когда же он совершенно уходит в абстрактные рассуждения, Рупрехт ему напомнил про состоявшийся, очень реалистично и живо пережитый полет на шабаш. Но ответ следует в начатом ключе: «Пора бы перестать верить в такие бабьи сказки, как шабаш: помрачение чувств, воображение – вот что такое шабаш!»²⁵ Рупрехта это не убеждает. Хотя и возражений он тоже не находит, что объясняет своей усталостью и неумением спорить: «На все эти рассуждения у меня тогда не нашлось возражений, как потому, что моя голова была утомлена в тот день, так и потому что я отвык от ученых споров, и я стоял перед маленьким Гансом как противник, выронивший шпагу из рук, или как пристыженный ученик, которого наставник бьет линейкой».²⁶

В пересказанной выше беседе Брюсов обсуждает свое отношение к реально существующей книге. В лице Ганса представлен существовавший в действительности ученик Агриппы Иоганн Вир (1515-1588), о чем сам Брюсов пишет как в авторских примечаниях к *Огненному ангелу* (сообщая и о главной идее книги), так и в основном тексте повести.²⁷ Ссылается автор и на знаменитое сочинение Вира по обсуждаемой проблематике, *De praestigiis daemonum et incantationibus ac veneficiis* (Базель, 1563). Брюсов также упоминает и французский перевод книги, и споры вокруг нее.²⁸ Выводы, которые автор прилагает к библиографической ссылке, фактически являются кратким и сухим пересказом слов Ганса из основного текста повести. А в уста Рупрехта вкладываются «пророческие» слова о книге, которая не должна была еще существовать во время описанного в повести диалога:

²⁴ *Собр. соч.*, том 4, 121-122.

²⁵ *Собр. соч.*, том 4, 122. Любопытным является, что Брюсов использует слово «воображение» для обозначения нереальности воспринимаемого, то есть в общепринятом, современном смысле. Между тем, в описываемое им время под «воображением», «фантазией» понимали уровень восприятия действительности, на котором постигались астральные сущности, ангелы или демоны. См. Leen Spruit, *Species Intelligibilis: From Perception to Knowledge*, 2 vols. (Leiden, New York, Cologne: E. J. Brill, 1994); Евгений Кузьмин, «Учение об ангелах и демонах в трактате 'Об искусстве каббалы' Иоганна Рейхлина.» *Вестник Еврейского Университета* 10:28 (2005), 55-108; Wilhelm Schmidt-Biggemann, *Philosophia perennis: Historische Umrisse abendländischer Spiritualität in Antike, Mittelalter und Früher Neuzeit* (Frankfurt: Suhrkamp, 1998), главным образом, 23-42. Проблема реальности шабашей, впрочем, - отдельная и часто обсуждаемая проблема. См. о ней, например, в: Carlo Ginzburg, *The Night Battles: Witchcraft and Agrarian Cults in the Sixteenth and Seventeenth Centuries* (London, Melbourne and Henley: Routledge and Kegan Paul, 1983).

²⁶ *Собр. соч.*, том 4, 123.

²⁷ *Собр. соч.*, том 4, 123, 312-313.

²⁸ Есть и очень хороший комментированный английский перевод книги: George Mora, ed. *Witches, Devils, and Doctors in the Renaissance* (Binghamton, NY: Medieval & Renaissance Texts & Studies, 1991).

Такое положение не помешало мне, однако, воздать должное остроумию доводов Ганса, и я тут же сказал ему, что, если он сумеет обосновать свои мнения и подкрепить их достаточным числом примеров, ему удастся написать очень примечательное и, может быть, полезное сочинение. И я еще твердо надеюсь повстречать такую книгу. Которая и сделает известным имя моего молодого друга – Йоганна Вейера.²⁹

Каков итог первых опытов Рупрехта? Они неудачны. Рупрехт сомневается в их ценности. И основную проблему, несомненно, представляют бесконтрольное своеволие потусторонних сил, не желающих взаимодействовать с главным героям на удобных для него условиях, и уязвимость опыта с рациональной точки зрения. Герой скован в действиях непониманием происходящего.

Попытка осмысления опыта, чтобы, как уже отмечалось, не являться к «Дьяволу, как нищий проситель к заимодавцу» приводит Рупрехта к стремлению вооружиться книжным знанием. Он принимается за массивное штудирование литературы. В направлении поиска очевидна одна очень характерная черта. Рупрехт ищет практических указаний, а не теоретических выкладок. Это отчетливо видно, например, из его отношения к рассказам книготорговца Глока:

Я пропускал сквозь уши его речи об «уксусе мудрецов», «о голове ворона», «льве зеленом» и «красном», о «парусах Тезея» и тому подобных вещах, для меня лишние, ровно как и его рассказы о знаменитых алхимиках и их баснословных обогащениях, – но зато ловил его драгоценные указания по вопросам оперативной магии....³⁰

Можно, конечно, на это возразить – алхимия также является практическим занятием, а Рупрехт просто увлекался, не ею, а магией. Он ведь не ставил себе в данный момент задач обогащения, которые призвана решать алхимия. Но такой ход мысли перечеркивается утрированным выпячиванием малопонятных, туманных терминов. Они-то и вступают в прямое противоречие с «оперативными» устремлениями героя.

Вообще практичность в высшей степени характерна для Брюсова. Приведем несколько примеров. Широко известно высказывание Брюсова о спиритизме, которое приводит Ходасевич в статье о нем, в *Некрополе*:

Почти окна в окна, наискосок от этой торговли, помещалась нотариальная контора П. А. Соколова. Там в начале девятисотых годов, по

²⁹ *Собр. соч.*, том 4, 123. Вейер – один из вариантов написания фамилии. В русской традиции больше распространена версия «Вир». Брюсов пользуется двумя вариантами.

³⁰ *Собр. соч.*, том 4, 93-94.

почину Брюсова, устраивались спиритические сеансы. Я был на одном из последних, в начале 1905 г. Было темно и скучно. Когда расходились, Валерий Яковлевич сказал:

– Спиритические силы со временем будут изучены и, может быть, даже найдут себе применение в технике, подобно пару и электричеству.³¹

А.П. Остроумова-Лебедева в «Воспоминаниях о Валерии Брюсове» фиксирует похожее высказывание, услышанное ей в Коктебеле, в 1924 году. Слова эти были адресованы Брюсовым мужу Остроумовой-Лебедевой, Сергею Васильевичу:

Окультизм есть наука с точными знаниями. Есть много выдающихся людей, которые признают оккультизм наукой, изучают его. Эта наука в своей истории имеет целый ряд доказательств.³²

По мнению Брюсова из магии должна вырасти новая наука, которая ближе к истине и потому лучше современного знания позволяет человеку *достигнуть своих целей* (см. также далее):

...вот воскрешающие сокровенные учения средневековья (магия) и попытки сношений с невидимыми (спиритизм). Тогда возникнут новое искусство и новая наука, более совершенно достигающие своих целей.³³

Словно в соответствии с этой установкой Рупрехт ищет в магических книгах объективное и практическое знание. В текстах схоластов и теологов он его не обнаруживает. Объяснение этого неприятия методологическое: «Слишком ясно, что все эти построения исходят из общих соображений..., тогда как истинная наука может опираться только на опыт, на наблюдения и на достойные веры показания очевидцев».³⁴ Примечательно, что выше, в том же абзаце, Брюсов как бы вычеркивает библейское свидетельство, основу мировоззрения теологов, из числа «достойных веры показаний очевидцев»: «...пустые рассказы теологов и схоластов, которые думают, что на одних цитатах из Святого писания можно основать какую

³¹ См. прим. 5.

³² А.П. Остроумова-Лебедева «Воспоминания о Валерии Брюсове». В *Неизданное и несобранное Стихотворения. Проза. Венки Брюсову. Воспоминания о Брюсове, Varia*, составление и подготовка текста и комментарии Василия Молодякова, под ред. Б.Н. Романова, 224-235 (Москва: Ключ, 1998), 229-230.

³³ В.Я. Брюсов «Об искусстве». В *Собр. Соч.*, том 6, 43-54 (53-4). Впервые текст опубликован как отдельная брошюра (Москва, 1899). Тираж 500 эк.

³⁴ *Собр. соч.*, том 4, 95.

угодно науку».³⁵ В другом месте книги Брюсов, через Мефистофеля,³⁶ развивает эту мысль: «Особенно же я люблю, когда вы приводите в доказательство тексты Святого писания: это – лучший способ доказать что угодно».³⁷ Выходит, «свидетельства» парадоксальным образом распадаются на достойные веры и недостойные. При этом Библия отвергается, как недостойная веры.

К беспочвенности и опасности для человека необоснованных, по его мнению, теологических рассуждений Брюсов возвращается в конце повести, описывая инквизиционный процесс. Ведет его доминиканец брат Фома, в миру Петр Тейбенер. Это подчеркнуто отрицательный персонаж, жестокость и садизм которого всюду выпячиваются. Для него важна теоретически выверенная чисто формальная классификация, а выяснение истины отходит на второй план: «И какой он философ? Он – ни скоттист, ни альбертист, ни фомист, ни оккамист.»³⁸ После Фома настаивает на интенсивном допросе для выяснения теоретических, сугубо умозрительных вопросов:

Прежде всего должно установить, что здесь имеет место...одержание или овладение, *possessio sive obsessio*... Затем необходимо выяснить, причиняли ли виновные ущерб лишь своей душе или также и окружающим... Наконец, надлежит установить точно, какие именно демоны проявили здесь свою богомерзкую деятельность...³⁹

Ведет это все к допросам Ренаты, лишенным практического смысла. Ведь она признает себя виновной в самом начале и со слезами просит себя сжечь.⁴⁰ Но Фома настаивает на продолжении: «Ты погоди, любезная. Мы тебя будем спрашивать, а ты отвечай».⁴¹ А после, казалось бы, полного выяснения всего, он указывает на необходимость пыток и в этом случае, как на процессуальную норму.⁴²

Теперь суммируем рассуждения Брюсова по данной проблеме. Как нам кажется, хотя он и утверждает, что есть достойные доверия свидетельства очевидцев, но теологи не из их числа.

³⁵ *Собр. соч.*, том 4, 95.

³⁶ В тексте повести «Мефистофелес». Мы решили унифицировать написание с другими текстами Брюсова, в которых всегда встречается форма «Мефистофель».

³⁷ *Собр. соч.*, том 4, 232.

³⁸ *Собр. соч.*, том 4, 240.

³⁹ *Собр. соч.*, том 4, 252-253.

⁴⁰ *Собр. соч.*, том 4, 271.

⁴¹ *Собр. соч.*, том 4, 271.

⁴² *Собр. соч.*, том 4, 279-280. То была действительно процессуальная норма. В том числе и в светских судах. Однако Брюсов сильно подчеркивает и выпячивает важность подобной практики именно для инквизиции.

Теологии противостоит практическое знание, магия. Она – истинная, опытная наука. Ее ограничение – лишь возможности самого человека: «...ибо серьезные исследователи сообразуются не с любопытством читателя, но с пределами своих знаний». ⁴³ Впрочем, дело не только в самом человеке. Есть объективные сложности: «Но природа и жизнь демонов в такой мере трудно поддаются изучению, что до сих пор, несмотря на благородные и бескорыстные труды ученых, древних и новых...– еще очень многое в этой сфере остается сомнительным или вовсе неизвестным...» ⁴⁴ Гносеологические проблемы связаны с превосходством демонов над человеком: «Познать природу демонов и их силу для человека столь же трудно, как муравью понять философию универсального доктора, Фомы Аквината.» ⁴⁵

В конце концов, Рупрехт и Рената проводят магический опыт. Они постарались провести хорошо продуманный и выстроенный по книгам ритуал. Но и это опыт закончился неудачей. При этом сама суть провала является загадкой. Демонов Рупрехт не видел, но ощущал их приближение. Казалось, они ворвались в круг. Это было заметно по лицу Ренаты. Но она вполне могла быть в подобном состоянии и без атаки темных сил. Погасла лампада. Хотя ее могла погасить и Рената. В ответственный момент Рупрехт, глядел в противоположную от основных событий сторону и не сумел выяснить, как точно было нарушено нормальное проведение опыта.

3. Спор Агриппы и Фауста в *Огненном ангеле*

Контакты с потусторонним не принесли Рупрехту желаемых результатов. И тогда он отправляется к человеку, которого признает величайшим авторитетом в магии, к Агриппе из Неттесгейма:

...писатель, сочинение которого о магии было для меня самой ценной находкой среди всего собранного мною книжного богатства и который дал мне наконец ариаднину нить, выведшую меня из лабиринта формул, имен и непонятных афоризмов, – доктор, Агриппа из Неттесгейма... Казалось мне дерзким личными своими делами встроить работу или отдых мудреца... ⁴⁶

⁴³ *Собр. соч.*, том 4, 96.

⁴⁴ *Собр. соч.*, том 4, 96.

⁴⁵ *Собр. соч.*, том 4, 96.

⁴⁶ *Собр. соч.*, том 4, 110.

Рупрехт жаждал понять причины своих неудач в магии. А книги уже не сообщали ему ничего нового.⁴⁷

Но желаемые и ожидаемые ответы получены не были. На просьбу Рупрехта прояснить некоторые вопросы оперативной, то есть практической, магии, Агриппа заявляет – истинные маги пророчили о Христе, а за фокусами, которые обычно связываются с данным искусством, лучше отправляться к шарлатанам.⁴⁸ Адепт особо подчеркивает, что его цель – знания, а не практика: «...дабы любознательный ум мог проследить все отрасли этой науки, но никогда никого не приглашал я пускаться в темные и не заслуживающие одобрения опыты гоетей». ⁴⁹ Эти, в сущности, вполне рациональные и подходящие случаю разъяснения главный герой не принимает: «Видя, что Агриппа от прямого ответа уклоняется...»⁵⁰ Почему? Очевидно, это лишь отражение презрения Брюсова оторванной от практики теории и к христианской теологии (о чем речь уже шла выше). Нет, кажется, никаких иных явных причин усомниться в прямоте ответа Агриппы. Рупрехт же начинает ставить на вид книгу по *практической* магии, изданную ученым. На что Агриппа отвечает – перед профаном он не вправе открыть ничего серьезного: «Особая клятва воспрещает мне касаться некоторых вопросов перед непосвященными». ⁵¹ Брюсов в примечаниях обосновывает данное утверждение – девиз Агриппы призывает к строгому хранению тайны («Sile, cela, occulta, tege, tace, mussa»).⁵²

Между тем, Рупрехт отказывается от сугубо практических вопросов и лишь вопрошает: «Что же такое магия: истина или заблуждение, наука или нет?» Слова эти поразительны и выпадают из общего контекста. Ведь до приезда к Агриппе Рупрехт вовсе не высказывал никаких сомнений в истинности магии, если не считать размышлений о полете на шабаш. Поэтому сам вопрос может показаться бессодержательным. Однако Агриппа снова дает вполне разумный и рациональный ответ, парадоксальным образом опять не удовлетворяющий Рупрехта. Старый чародей рассказывает, что есть два вида наук. Первую практикуют в университетах, она «все предметы рассматривает отдельно, разрывая единый цветок вселенной на части...» Между тем истинная мудрость, второй вид наук, черпает свое знание из глубин человеческой души. Это знание дает понимание промысла божья и позволяет познать мир в его единстве, в связях между разрозненными вещами.⁵³ Все эти разговоры Агриппы могут быть отраже-

⁴⁷ Собр. соч., том 4, 109.

⁴⁸ Собр. соч., том 4, 130-131.

⁴⁹ Собр. соч., том 4, 130

⁵⁰ Собр. соч., том 4, 130.

⁵¹ Собр. соч., том 4, 130.

⁵² Собр. соч., том 4, 314.

⁵³ Собр. соч., том 4, 131-132.

нием каких-то реальных впечатлений из жизни Брюсова, оккультных бесед или прочитанных современных оккультных текстов. По крайней мере, авторское примечание к данному месту повести позволяет это предположить: «Взгляды Агриппы на магию резко отличают его от других магов XVI в., делают его предшественником учения современных ‘окультистов’, которые и ценят высоко его сочинения».⁵⁴ Вот только Рупрехт ответом мага не удовлетворился. Ведь здесь не было желанного и ожидаемого пояснения. Поэтому Рупрехт и посчитал его «двусмысленным».⁵⁵ А позже рассудил, что адепт попросту не пожелал открывать правду по вполне понятным и разумным причинам:

Когда впоследствии я тщательно обсудил все свое посещение Агриппы и внимательно обдумал все его речи, я пришел к выводу, что не каждому сказанному им слову должно придавать веру. В те краткие минуты, которые я, приезжий незнакомец, стоял перед Агриппою, не было у него причин открывать свою душу и высказываться прямо свои сокровенные мысли о предмете столь ответственном, как магия.⁵⁶

Нам же слова Агриппы представляются вполне ясными и непротиворечивыми. Кроме указанной выше его собственной реплики о недопустимости раскрытия тайн непосвященным и ссылки Брюсова в примечании на девиз мага («Sile, cela, occulta, tege, tace, mussa»), мы не усматриваем здесь никакой двусмысленности и утаиванья своей точки зрения. И читатель, как нам кажется, вполне вправе оспаривать мнение Рупрехта, которое, очевидно, является проекцией отношения автора к современным оккультным теориям.

Самое простое объяснением произошедшего видится в следующем: Рупрехт с самого начала ищет практического знания, поэтому все теоретические ответы повисают в воздухе. Даже последний вопрос, который звучит как умозрительный, на деле может иметь практический смысл. Во-первых, в нем логично увидеть проверку, верит ли сам Агриппа в *действенность* магии. Во-вторых, вопрос ведь и о том, стоит ли магией вообще заниматься. Однако, ответ Агриппы касающийся чистой теории и избегающий практических советов в форме инструкции по эксплуатации, не удовлетворяет Рупрехта.

Чистую теорию неподкрепленную практикой Брюсов еще яснее отвергает в описании беседы Рупрехта с графом Генрихом фон Оттергеймом. Генрих, конечно, не может быть сопоставлен с Агриппой, с ученым, пишу-

⁵⁴ Собр. соч., том 4, 314.

⁵⁵ Собр. соч., том 4, 132.

⁵⁶ Собр. соч., том 4, 133.

щим о практических опытах. И данный эпизод не имеет позитивного значения для понимания философских идей Брюсова. Автор лишь выделяет здесь некоторые негативные, по его мнению, сугубо теоретические аспекты оккультизма, гипертрофированно выпячивает их, показывая лишь их плохую, дурную сторону. Так вполне проясняется и резкое неприятие Рупрехтом ответов Агриппы. Главный герой для поддержания беседы с фон Оттергеймом несет откровенную ахиною, которая имеет неожиданный успех: «К моему удивлению, эта речь, наполовину хвастливая, наполовину лицемерная, в которой я постарался выставить напоказ все свои скудные сведения о таинственных орденах посвященных, – была встречена графом Генрихом как что-то, достойное внимания». ⁵⁷ Тогда Рупрехт ставит эксперимент для выяснения ценности оккультного дискурса: «Не преодолел я лукавого соблазна, который поманил меня испытать, насколько сами посвященные понимают друг друга». ⁵⁸ Он говорит чепуху, а граф Генрих ею восторгается, не улавливая подвоха:

Едва произнес я эти совершенно пустые слова, как тотчас раскаялся в своей шутке, потому что Генрих устремился на них с доверчивостью ребенка и воскликнул в таком восторге, словно я открыл ему что-то неведомое и что-то поразительное.

– Ах, вы правы, вы правы! Конечно, конечно! Я сразу понял, что мы с вами – об одном. ⁵⁹

Так Брюсов высмеивает оккультный дискурс, не имеющий практического значения.

После неудачи с запланированной устной консультацией по магии, Рупрехт внезапно, сам не ожидая того, получает желанные разъяснения. Судьба сводит его с другим любопытным действующим лицом и исторической личностью, с Иоганном Фаустом. ⁶⁰ Этот персонаж часто рассматривался

⁵⁷ *Собр. соч.*, том 4, 144.

⁵⁸ *Собр. соч.*, том 4, 134.

⁵⁹ *Собр. соч.*, том 4, 134.

⁶⁰ Впрочем, настоящее имя исторического Фауста, скорее всего, Георгий или Йорг. Литература о нем чрезвычайно обширна. Некоторым ориентиром в море текстов может служить библиографический указатель: Hans Henning, ed. *Faust-Bibliographie*, 3 vols. in 5 (Berlin, Ost: Aufbau-Verlag, 1966-1976). Впрочем, следует иметь в виду, что и после 1976 года поток исследований не ослаб. Среди нашумевших книг следует назвать: Frank Baron, *Doctor Faustus, from History to Legend* (Wilhelm Fink Verlag: 1978); Leo Ruickbie, *Faustus: The Life and Times of a Renaissance Magician* (The History Press 2009). Первая из них интересна новыми подходами к осмыслению фактов. Вторая книга любопытна из-за очевидного влияния оккультного мировоззрения автора на содержание книги. О развитии легенды о Фаусте есть многочисленные новые публикации Рюдигера Бернгарда. Большую ценность с точки зрения собирания конкретных материалов представляет книга, уже упоминавшегося автора: Hans Henning, *Faust-*

как похожий на распространенный в литературе образ Агриппы. Принято считать, что легенды о них похожи, взаимосвязаны, взаимозависимы и оказали влияние друг на друга.⁶¹ Поэтому само наличие этих двух личностей одновременно в одном литературном тексте, кажется несколько неожиданным и достойным внимания. Данную аномалию когда-то подметил Б. Пуришев.⁶² Ему, как специалисту по немецкой литературе и ученику Брюсова, плохая совместимость в одном тексте Фауста и Агриппы должна была сразу броситься в глаза: «Агриппа в гораздо большей мере, чем исторический Фауст, имел право стать героем великой фаустовской легенды».⁶³ Пуришев видит два основания для включения Фауста в текст:

1. Для усиления «местного колорита», который Брюсов всеми силами пытается выпячивать. А ведь история о Фаусте – это немецкая легенда XVI века.
2. Фауст ассоциируется с дерзновениями человека эпохи Ренессанса.⁶⁴

Второе решение проблемы, конечно, никак не объясняет присутствия в повести Агриппы. Остается непонятным, зачем автору понадобилось вводить в текст двух персонажей, обычно ассоциирующихся с дерзновениями человека эпохи Ренессанса.

Первое свое утверждение Пуришев доказывает тем, что Фауст Брюсова выписан по первой книге с легендой, по Иоганну Шпису,⁶⁵ а не по Иоганну Вольфгангу фон Гете (1749-1832).⁶⁶

Г.В. Якушева в своей монографии о Фаусте анализирует *Огненного ангела* Брюсова, исходя из упомянутой статьи Пуришева. Но проблему сосед-

Variationen: Beiträge zur Editions-geschichte vom 16. bis zum 20. Jahrhundert (München, London, New York, Paris: K.G. Saur, 1993).

⁶¹ Литература по этому вопросу довольно обширна. См., например, относительно новую статью: Paola Zambelli, „Cornelius Agrippa, ein kritischer Magus“, *Die okkulten Wissenschaften in der Renaissance*, edited by August Buck, 65-89 (Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992) (библиография в прим. 4,5); рассматривается данная проблема и в классической биографии Агриппы: Charles G. Nauert, Jr. *Agrippa and the Crisis of Renaissance Thought* (Urbana: University of Illinois Press, 1965), 1-2, 195, 226, 328, 330-331.

⁶² Пуришев, Б. «Брюсов и немецкая культура XVI века» в *Собр. соч.*, том 4, 328-341.

⁶³ Пуришев, Б. «Брюсов и немецкая культура XVI века» в *Собр. соч.*, том 4, 340.

⁶⁴ Пуришев, Б. «Брюсов и немецкая культура XVI века» в *Собр. соч.*, том 4, 339.

⁶⁵ Иоганн Шпис переводился на русский язык Р.В.Френклем. Опубликовано в: В.М. Жирмуцкий, изд. *Легенда о докторе Фаусте*. 2-е изд., исправленное, Литературные памятники (Москва: Наука, 1978), 35-109. Первое издание- Москва: АН СССР, 1958 (47-151).

⁶⁶ Пуришев, Б. «Брюсов и немецкая культура XVI века» в *Собр. соч.*, том 4, 337. Пуришев ссылается на «Предисловие к русскому изданию» (часть повести *Огненный ангел*, 8; ср. 319 (*Собр. соч.*, том 4)). Можно к этому добавить, например, в *Miscellanea* (*Собр. соч.*, том 6, 402) ответ на критику Георгия Чулкова («Фауст и Мелкий бес». *Речь* 8 декабря 1908).

ства Фауста и Агриппы она игнорирует, рассматривая этих персонажей как, фактически, единое целое, один образ.⁶⁷ И это очень показательный, красноречивый факт, демонстрирующий нерешенность проблемы, непонимание замысла Брюсова.

Попробуем найти решение в тексте *Огненного ангела*. Если отвлечься от распространенной идеи взаимозаменяемости Фауста и Агриппы, то несложно заметить – Брюсов их сравнивает, он заставляет их вести скрытый диалог.

Обстоятельства знакомства Рупрехта с Фаустом и с Агриппой прямо противоположны. К Агриппе Рупрехт отправляется в другой город, в надежде получить совет. Фауст и Мефистофель находят Рупрехта как бы случайно, на улице и заводят с ним знакомство, обращаясь с просьбой показать город (Кельн).⁶⁸ Такая простота в обращении не может не показаться странной. И Рупрехт реагирует на нее достаточно резко:

– Простите, любезные господа, но меня удивляет, что вы обращаетесь с такими просьбами к человеку, который вас не знает и у которого могут быть более важные дела, чем водить по городу двух приезжих.⁶⁹

Фауст и Мефистофель легко убеждают Рупрехта быть их проводником. И эта легкость в обращении и достижении целей крайне любопытна. И, конечно же, следует особо отметить пассивную роль Рупрехта, который до этого момента был крайне активен в установлении контактов с потусторонним, в изучении магии.

Как уже было сказано выше, Агриппа в разговоре с Рупрехтом в качестве истинных, образцовых магов, назвал волхвов, поклонившихся Христу. Теперь же Фауст, увидев место хранения их останков, Кельнский собор, заметил: «Добрые люди, не сбились ли вы немного с пути, заехав сюда, вместо того чтобы попасть в Вифлеем палестинский!»⁷⁰ Это выглядит как намек на ошибочность их действий. И Мефистофель уточняет этот момент, указывая на жизненную неудачу волхвов и на сомнительность обретенного ими знания:

– Бедные Мельхиор, Балтазар и Каспар, не очень-то вы были удачливы! При жизни крестил вас апостол Фома, который и сам в Иисуса

⁶⁷ Г.В. Якушева *Фауст в искушениях XX века: Гётевский образ в русской и зарубежной литературе* (Москва: Наука, 2005), 58-62.

⁶⁸ *Собр. соч.*, том 4, 201-202.

⁶⁹ *Собр. соч.*, том 4, 202.

⁷⁰ *Собр. соч.*, том 4, 203.

Христа плохо верил, а по смерти положили вас на покой во храме, который сам покоя не ведает!»⁷¹

В том же первом ответе Агриппы Рупрехту содержится рассуждение о двух типах магии, об истинной теоретической философской и о противостоящих ей фокусах шарлатанов, или практической магии.⁷² Фауст и служащий ему демон как бы спорят с великим адептом практикой, действиями. Вначале Мефистофель в трактире, в городе Кельне, в самом начале весны проделявает фокус с появлением винограда.⁷³ Потом он же проглатывает слугу хозяина гостиницы в городе Евскирхен при большом количестве зрителей.⁷⁴ И, наконец, Фауст и Мефистофель вызывают Елену Прекрасную (Спартанскую, Троянскую, Греческую) по просьбе графа Адальберта фон Веллен в его замке.⁷⁵ То есть Фауст и Мефистофель отвечают «фокусами» на гневные филиппики Агриппы против фокусов.

Однако апофеозом противопоставления является разговор Рупрехта с Фаустом об Агриппе. Главный герой, прознав об интересе своего нового знакомого к магии, рассказывает ему о своей поездке к великому адепту. Фауст выслушивает историю с любопытством и дает свое заключение, авторитетное мнение:

– Я читал сочинения Агриппы, и он мне представляется человеком очень трудолюбивым, но не одаренным. Магией он занимается так же, как историей или какой другой наукой. Это тоже, как если бы человек усидчивостью думал достичь совершенства Гомера и глубокомыслия Платона. Все сочинения Агриппы основаны не на опыте магическом, который один открывает дверь к этой науке, а на добросовестном изучении разных книг, – не более.⁷⁶

Потом в разговор вступает Мефистофель. Он доводит мысль Фауста до логического завершения:

– Сколько бы ни потели вы, господа, над формулами и сколько бы ни упражнялись в магическом опыте, все равно уловите вы в свои сети

⁷¹ *Собр. соч.*, том 4, 203. Под храмом, который не ведает покоя могут иметься ввиду две вещи. Во-первых, останки трех волхвов подвергались значительным перемещениям. Императрица Елена привезла их в Константинополь. Позднее они попали в Милан. А в 1164, благодаря содействию Фридриха Барбароссы, их перевезли в Кельн. Второе обстоятельство – Кельнский собор, заложенный в 1248 году, достроили лишь в 1880 году.

⁷² *Собр. соч.*, том 4, 130.

⁷³ *Собр. соч.*, том 4, 206-207.

⁷⁴ *Собр. соч.*, том 4, 211-213.

⁷⁵ *Собр. соч.*, том 4, 224-228.

⁷⁶ *Собр. соч.*, том 4, 205.

только какую-нибудь жалкую тварь из бесовского мира, ради которой и трудиться не стоило.⁷⁷

Похожие практические установки, направленные на практическую результативность в совокупности с принижением теории, прослеживаются и в других замечаниях Фауста и, особенно, Мефистофеля. Например:

– Мой друг и покровитель, доктор Фауст, утомлен бременем познаний, – ибо он человек ученейший, – и пожелал лично убедиться, устроен ли мир согласно с законами науки или нет. А по пути, объезжая страны и осматривая города, мы, кстати, убеждаемся, что вино всюду пьяно и мужчины везде бегают за женщинами.⁷⁸

Разные слова могут быть сказаны об одном и том же явлении. Формулировка не способна включить в себя все стороны истины: «Ведь только глупость односторонняя, а истину можно повернуть любой гранью.»⁷⁹

В мире господствует мимикрия, всюду одни лишь «изображения», а не суть. И здесь кроется насмешка над теорией идей Платона. Получается, мы, имея дело с их воплощениями, далеки от источника, само существование, которого сомнительно:

– Дорогой доктор! Мы все изображаем что-нибудь: я – чародея, вы – ученого, которому ничто не мило. Всякий человек, согласно с Моисеем, только изображение божие. И хотел бы я знать, что вообще известно вам, кроме изображений?⁸⁰

Таким образом, Фауст и Мефистофель настаивают на примате практики над теорией, опыта над знанием, практической результативности над красивым изложением мысли.

При этом нельзя сказать, что значение теоретических построений абсолютно нивелируется. Брюсов восторгается глубиной познаний Фауста:

Говорили мы с ним <Рупрехт с Фаустом> de omni re scibili, если пользоваться любимым выражением Пико дела Миранодола, и я мог убедиться, что области грамматики и натуральной философии, математики и физики, астрономии и юдициарной астрономии, всех медицин и прав, теологии, магии, экономии и других искусств равно знакомы моему спутнику, как хорошему хозяину огород.⁸¹

⁷⁷ *Собр. соч.*, том 4, 205.

⁷⁸ *Собр. соч.*, том 4, 204.

⁷⁹ *Собр. соч.*, том 4, 232.

⁸⁰ *Собр. соч.*, том 4, 213.

⁸¹ *Собр. соч.*, том 4, 210.

Впрочем, в данном случае Брюсов не разделяет цель и средства. Не понятно, получил ли Фауст знания благодаря успешной практике или достиг практических успехов, благодаря обширным знаниям.

Почти всюду Мефистофель занимает более активную позицию, чем его господин. Он больше говорит, перехватывая инициативу в спорах и разговорах. Он выдает свои заключения по любому вопросу, даже если его об этом никто не просит. Но всюду именно бездеятельный Фауст описывается в крайне лестных выражениях. К примеру:

Один из них <Фауст>, человек лет тридцати пяти, одетый, как обычно одеваются доктора, с небольшой курчавой бородкой, – производил впечатление переодетого короля. Осанка его была благородна, движения самоуверенны, а в выражении лица – какое-то утомление, словно у человека, уставшего повелевать.⁸²

Подведем итог этому разделу. Часто отождествляемые в литературе образы Агриппы и Фауста, в повести Брюсова *Огненный ангел* представляют совершенно различные типы мировоззрений. Автор умышленно выводит их в одном тексте, выстраивая таким образом дискуссию. Агриппа – независимый адепт-теоретик, хранитель древнего знания. Фауст – смелый экспериментатор, практик, позволивший демону направлять его действия. Кто из них одержал победу в споре? Брюсов признает победу последнего. Ведь Фауст – истинный интеллектуал. Он блистает знаниями, а не прячет их от непосвященных. Фауст успешен. Мефистофель исполняет все его желания. Тогда как Агриппа слабо преуспел в материальной сфере. И, наконец, грядущие гибель и проклятие Фауста подвергаются Брюсовым сомнению.⁸³

4. Агриппа в других работах Брюсова

Для полноты картины дискуссии Агриппы и Фауста, несмотря на всю ее ясность и отчетливость на страницах повести, следует провести ряд параллелей с другими текстами Брюсова. Слишком важны, слишком долго и упорно прорабатывались автором эти персонажи, чтобы ограничиться одним лишь *Огненным ангелом*.

Начнем с Агриппы. Брюсов читал его тексты и тексты о нем. *Огненный ангел* пестрит ссылками на труды мага эпохи Ренессанса и на его переписку. Брюсов читал, комментировал, издал русский перевод книги Жозе-

⁸² *Собр. соч.*, том 4, 201.

⁸³ *Собр. соч.*, том 4, 231-232.

фа Орсье об Агриппе.⁸⁴ Эта книга построена именно на анализе писем. Так что проверка независимости ссылок Брюсова от ссылок Орсье может являться предметом исследования. Мы же не станем специально останавливаться на этом вопросе. Отметим лишь, что среди множества источников Брюсова, основным была книга А. Про,⁸⁵ Брюсов сам ссылается на нее как на лучшую работу по данной проблематике.⁸⁶

Брюсов сам является автором ряда трудов об Агриппе. Все они, правда, опубликованы после выхода повести. Первая статья, «Агриппа Неттесгеймский» увидела свет в журнале *Русская мысль* за 1911 год, отдел II (стр. 234-237). Вскоре Брюсов пишет о нем статью для *Нового энциклопедического словаря* Брокгауза и Ефрона (том I, СПб, 1913, стр. 407-409). В том же году Брюсов издает биографический очерк Жозефа Орсье *Агриппа Неттесгеймский* (см. также выше), снабжая его своими примечаниями и тремя оригинальными статьями: «Оклеветанный ученный» (перепечатка с некоторыми сокращениями статьи из *Русской мысли*), «Легенда о Агриппе», «Сочинения Агриппы и источники его биографии» (стр. 7-16, 97-109).⁸⁷ Итого шесть статей. Правда, одна из них не является вполне самостоятельным текстом. Но зато в списке есть и заметка для солидной энциклопедии.

Во всех перечисленных текстах, за исключением стоящей особняком работы «Сочинения Агриппы и источники его биографии» (она ввиду своеобразности будет обсуждаться в конце и отдельно), характеристики обсуждаемого лица достаточно стандартны и однообразны. Брюсов повторяет одни и те же мысли разными словами. При этом, статья в *Новом энциклопедическом словаре* звучит суше других. Она содержит максимальное число фактов и минимальное оценок. Агриппа здесь просто обозначен как «один из ученейших людей своего времени, характерный представитель немецкого Возрождения», который «остался в памяти потомства преимущественно как чернокнижник». Далее же Брюсов старается не выпячивать свое личное мнение. Поэтому для нас представляют больший интерес статья из журнала *Русская мысль*, версия которой – это «Оклеветанный ученый», а также «Легенда о Агриппе». Перечислим основные тезисы этих работ.⁸⁸ «Потомство оклеветало Агриппу», – пишет Брюсов в статье

⁸⁴ Жозеф Орсье, *Агриппа Неттесгеймский: Знаменитый авантюрист XVI века*, перевод Б. Рунт, под ред. С введением и примеч. В. Брюсова (Москва: Мусагет, 1914).

⁸⁵ Auguste Prost, *Les sciences et les arts occultes au XVIe siècle: Corneille Agrippa, sa vie et ses œuvres*, 2 vols (Paris, 1881-1882).

⁸⁶ *Собр. соч.*, том 4, 311.

⁸⁷ Данный перечень работ можно найти в: Пуришев «Брюсов и немецкая культура XVI века», *Собр. соч.*, том 4, 329.

⁸⁸ Мы сочли нецелесообразным ссылаться на страницы, так как речь идет об очень коротких текстах, легко доступных сегодня в Интернете.

«Оклеветанный ученый» и в статье в *Русской мысли*. За этим мыслителем эпохи Возрождения, по утверждению всех статей, закрепилась слава мага, чернокнижника. Но кем же он был на самом деле? В статье в *Русской мысли* и в «Оклеветанный ученый» Брюсов пускается в рассуждения о противостоянии схоластов («темных людей», «обскурантов») и гуманистов: «Конец XV и начало XVI века разделили людей, особенно население Германии, резко на два круга: проповедников нового, сторонников Эразма и Рейхлина, «гуманистов», и защитников старого, «темных людей», «обскурантов».

Сразу нужно оговориться, классификация Брюсова не соответствует истине. Противостояние, о котором идет здесь речь – «дело Рейхлина», дискуссия вокруг сожжения еврейских книг.⁸⁹ Дезидерий Эразм Роттердамский (1466–1536) и Иоганн Рейхлин (1454/5–1522) были связаны дружбой, но в споре оказались по разные стороны баррикад. Не говоря уже о том, что один из главных «обскурантов», Ортвин Граций, или Гардвин фон Грец (1475–1542) был, вне всякого сомнения, гуманистом. Виденье сути конфликта у Брюсова было общепринятым на рубеже 19–20 веков. Оно сформировалось под влиянием книги *Письма темных людей* (1515,

---

⁸⁹ Библиография по данной проблеме обширна. Стандартная биография Рейхлина: Ludwig Geiger, *Johann Reuchlin: Sein Leben und seine Werke* (Leipzig, 1871). О юридической стороне спора см. специальные монографии: Guido Kisch, *Zasius und Reuchlin: Ein rechtsgeschichtlich-vergleichende Studie zum Toleranzproblem im 16. Jahrhundert* (Konstanz and Stuttgart, 1961); Elisabeth von Erdmann-Pandžić and Basilius Pandžić, *Juraj Dragišić und Johannes Reuchlin: Eine Untersuchung zum Kampf für die jüdischen Bücher mit einem Nachdruck der 'Defensio praestantissimi viri Joannis Reuchlin' (1517) von Georgius Benignus (Juraj Dragišić)* (Bamberg: Fach Slavische Philologie der Universität Bamberg, 1989). Вопросы антисемитизма, отношения к евреям специально разбираются: Heiko A. Oberman, *Wurzeln des Antisemitismus: Christenangst und Judenplage im Zeitalter von Humanismus und Reformation* (Berlin, 1981) (английский перевод: *The Roots of Anti-Semitism in the Age of Renaissance and Reformation* (Philadelphia: Fortress, 1984)); ero „Johannes Reuchlin: Von Judenknechten zu Judenrechten“, *Reuchlin und die Juden*, edited by Arno Herzig and Julius H. Schoeps, with cooperation of Saskia Rohde, 40–64 (Sigmaringen: Thorbecke, 1993); ero “Reuchlin and the Jews: Obstacles on the Path to Emancipation.” В ero *The Impact of the Reformation: Essays* (Grand Rapids: William B. Eedmans Publishing Company, 1994), 141–170; ero, “Three Sixteenth-Century Attitudes toward Judaism: Reuchlin, Erasmus, and Luther” в ero *The Impact of the Reformation: Essays* (Grand Rapids: William B. Eedmans Publishing Company, 1994), 81–121; Разные аспекты проблемы и разные подходы к проблеме «Рейхлин и евреи» собраны в сборнике: Arno Herzig and Julius H. Schoeps, eds. (with cooperation of Saskia Rohde). *Reuchlin und die Juden* (Sigmaringen: Thorbecke, 1993); ряд статей в сборнике *Reuchlin und die politischen Kräfte seiner Zeit* (Pforzheim, 1998) также посвящены различным аспектам дела Рейхлина. Суть конфликта специально рассматривается в: Н. Peterse, *Jacobus Hoogstraeten gegen Johannes Reuchlin: Ein Beitrag zur Geschichte des Antijudaismus im 16. Jahrhundert* (Mainz: Philipp von Zabern, 1995).

1517).⁹⁰ Джеймс Оверфилд проверил старый миф о борьбе гуманистов и схоластов и пришел к выводу о его несостоятельности. Брюсов, разумеется, не мог об этом знать. Первая публикация Оверфилда на данную тему вышла лишь в 1971 году.⁹¹

Брюсов же хватается за миф о «борьбе гуманистов и схоластов» и абсолютизирует его, делает исходной точкой для своих рассуждений. Он видит трагедию Агриппы в его обособленности, в том, что он не выбрал себе лагерь. Конечно, как утверждает Брюсов в статье в *Русской мысли* и в «Оклеветанный ученый», следует учесть переписку с Эразмом и пропаганду учения Рейхлина. Это склоняет чашу весов на сторону его приверженности лагерю гуманистов. А еще Агриппа был хорошо образован, знал древних, легко и правильно писал по-латыни. Также его также характеризует борьба с монахами. Все это черты, особенности, позволяющие причислить Агриппу к гуманистам. Но с другой стороны, «он никогда не мог освободиться от чисто схоластической манеры излагать свои мысли» и «он как-то чуждался тех тем, которые привлекали особое внимание гуманистов» (В статье в *Русской мысли* и в «Оклеветанный ученый»). Наконец он писал о магии. Впрочем, это не самое главное. Многие его современники, гуманисты, верили в нее и рассуждали о ней. Но магический «трактат Агриппы был весь основан на старых сочинениях такого рода, не был свободным исследованием магических явлений, но был переполнен изложением традиционных мнений» (В статье в *Русской мысли* и в «Оклеветанный ученый»). Это не позволяет Брюсову причислить Агриппу к гуманистам, но отнюдь не мешает охарактеризовать этого мыслителя эпохи Возрождения как авантюриста, искателя, экспериментатора (все статьи). Всюду у Брюсова

⁹⁰ *Письма темных людей (Epistolae obscurorum virorum)* – сатира, высмеивающая противников Рейхлина. Книга задумана как мистификация-противовес *Письмам знаменитых людей*, изданному Рейхлином сборнику писем. Сатира была опубликована в двух томах. Основной автор первого тома, вышедшего в 1515 году – Крот Рубеан (Иоганн Йегер) (1486–1540), второго, вышедшего в 1517 году – Ульрих фон Гуттен (1488–1523). Книга переводилась на многие языки. Первый полный перевод на русский язык выполнил Н.А. Кун. Текст был напечатан в Москве в 1907, в издательстве Высших женских курсов, в серии «Источники по истории Реформации». Повторно текст опубликован издательством Academia (Москва-Ленинград) в 1935 году. Есть также перевод избранных писем, выполненный В. Хинкисом, и вышедший в серии «Всемирная литература», в Москве, в 1971 году, в издательстве «Художественная литература», вместе с некоторыми другими памятниками эпохи Ренессанса. В качестве введения в проблематику см.: Becker, R.P. *A War of Fools: The Letters of Obscure Men. A Study of the Satire and the Satirized* (Berne, 1981).

⁹¹ James H. Overfield "A New Look at the Reuchlin Affair", *Studies in Medieval and Renaissance History* 8 (Lincoln 1971): 165-207. James H. Overfield, *Humanism and Scholasticism in Later Medieval Germany* (Princeton: University Press, 1984). Очень любопытная критика книги Оверфилда с пристальным вниманием к делу Рейхлина: Johannes Helm-rath, „Humanismus und Scholastic“ und die deutschen Universitäten um 1500“, *Zeitschrift für historische Forschung* 15 (1988), 187-203.

подчеркивается двойственное, не вполне ясное отношение Агриппы к колдовству. В статье в *Русской мысли* Брюсов особо выделяет примат теоретических, научных интересов Агриппы над практическими, магическими. Пространные рассуждения на эту тему опущены в «Оклеветанный ученый». Брюсов особо выпячивает еще один любопытный момент. Есть в текстах мыслителя эпохи Возрождения и выпады против волшебства и его пропаганда. Особенно Брюсов выделяет борьбу Агриппы с магами-шарлатанами.

Обсужденные здесь статьи Брюсова о биографии Агриппы являются удивительно целостным материалом, который теснейшим образом связан с образом ученого из повести *Огненный ангел*. Двойственность, борьба с шарлатанами – все это выпячивается. Но наиболее любопытен акцент Брюсова на экспериментальном аспекте и решительности в проведении магических опытов. Дерзкий авантюрист и изобретатель Агриппа плурует в делах магических, с которыми больше знаком по книгам, чем по опыту.

Собственно, и обсуждение возможности причислить Агриппу к гуманистам, кажется, состоит из двух важных аспектов. Во-первых, это борьба с закостенелой официальной религией (борьба с монахами). Во-вторых, это степень научной дерзости. Обсуждается причастность Агриппы к новым требованиям образования (здесь он гуманист) и его готовность идти вперед, отбросив стереотипы (здесь он не гуманист).

Особо следует подчеркнуть знакомство Брюсова с близостью традиций преданий о Фаусте и об Агриппе («Легенда об Агриппе»). Это демонстрирует вполне осознанное использование Брюсовым двух схожих в мировой литературной традиции персонажей.

Дополнительный материал и ключ к образу адепта в *Огненном ангеле* дает статья «Сочинения Агриппы и источники его биографии». Большая часть работы довольно сухая. Брюсов обсуждает библиографию. Здесь попытка и составить перечень трудов Агриппы, и продемонстрировать отношение к нему различных авторов. Сквозь века Брюсов приходит к своему времени и делает заключение о состоянии исследований. Все выглядит здесь вполне чинно и академично. Лишь последний абзац раскрывает особое, оригинальное виденье проблемы Брюсовым. Читателю как бы вручается ключ к пониманию текстов и личности Агриппы. Этот отрывок достоин цитирования без сокращений:

Нельзя, однако, сказать, чтобы жизнь и характер Агриппы были теперь выяснены окончательно. В биографии философа осталось еще немало эпизодов, разъясненных не достаточно; свидетельства современников об Агриппе еще никем не были разобраны во всей полноте; из самых сочинений Агриппы еще можно извлечь немало данных, объясняющих различные события его жизни. Еще больше остается

сделать для характеристики Агриппы. Замкнутый в себе, не любивший излишней откровенности, порой сознательно высказывающий мысли, которых он не разделял, Агриппа задал историкам трудную загадку, над разъяснением которой еще предстоит потрудиться. Наконец, учение Агриппы в своей полноте может быть понято только из сопоставления его с учением оккультистов всех времен, с преданиями древнего Египта (сохранившимися для нас традиции Атлантиды), с эзотерическим учением орфиков, с книгами Гермеса Трисмегиста, с идеями неоплатоников, Прокла и их единомышленников, с указаниями, рассыпанными у Горация, Овидия, Апулея, с сочинениями современников Агриппы, например, аббата Тритемия и Парацельса, наконец, с новыми трудами XVIII века, каковы сочинения Клода де Сен-Мартена, Сен-Виктора и др., и XIX века, каковы труды Фабра д'Оливе, Станислава де Гуайта, Элифаса Леви, Мишеля Фиганьера, Сент-Ива д'Альвейдра и др. Эта работа еще предстоит будущему, когда современная наука (а это неизбежно) своими путями и методами подойдет к вопросам, занимавшим всех этих исследователей, и поймет, как неосторожно она поступала, смешивая их с шарлатанами и чародеями и целые столетия пренебрегала их открытиями.

В данном фрагменте представления Брюсова об Агриппе собраны в единое целое. Их изложению предшествуют долгие извинения. Профессиональный историк Брюсов прекрасно понимает научную уязвимость и бездоказательность своих утверждений. Согласно тексту, получается, что есть некая тайная традиция, ведущее свое начало от Атлантиды. Агриппа же, избегая разглашения секретов, не всегда говорил то, что думал. Он явно высказывался противоречиво, потому что ему было что скрывать. Он вовсе не шарлатан и не чародей. Он адепт, оккультист, бережно хранящий древние тайны.

Все это поразительным образом соответствует спекуляциям Брюсова об Атлантиде, изложенные в тексте, специально посвященному данной теме, *Учители учителей* (1917) Ранее мы уже упоминали это сочинение, рассуждая о термине «оккультизм». Любопытно, в настоящий момент, следующее утверждение:

Эта историческая концепция (о культуре атлантов) была не только объектом веры, но и предметом изучения исследований в тех кругах ученых, которым обычно дается название оккультистов и в числе которых можно упомянуть имена: Луи де Сен-Мартена (1743–1803), Фабра д'Оливе (1767–1825), Элифаса Леви (1810–1875), Луи Лукаса (1816–1863), Ш. Фовети (1813–1894), из позднейших – Станислава де Гуайта, Сент-Ив д'Альвейдра и др.⁹²

⁹² В. Брюсов «Учители учителей», *Собр. соч.*, т. 7, 275–437 (278). Впервые текст был опубликован в журнале Горького *Летопись* в 1917 году, с 5 по 12 номер.

Списки оккультистов в двух текстах в значительной степени совпадают. Несоответствия же вполне можно объяснить наличием «и др.»

Таким образом, весьма велика вероятность того, что Брюсов стремится отождествить Агриппу с современными теоретиками оккультизма и вложить в его уста их мысли. Это предположение подтверждается и авторским примечанием к *Огненному ангелу*: «Взгляды Агриппы на магию резко отличают его от других магов XVI в., делают его предшественником учения современных 'оккультистов'». И здесь важно подчеркнуть «традиционность» их знания (см. также выше) восходящего к знанию атлантов, и его теоретический, не проверенный практикой характер.

5. Фауст в других работах Брюсова

Как и об Агриппе, Брюсов немало написал и о его оппоненте, о Фаусте. Но есть существенное различие в характере текстов о каждом из них. Об Агриппе Брюсов писал научные статьи, а о Фаусте литературные тексты. Это не удивительно. Благодаря одноименной пьесе Гете, которую, кстати, Брюсов полностью перевел,⁹³ этот персонаж был слишком тесно вплетен именно в литературную традицию. Как видно, надобности в специальной статье о Фаусте не было. Хотя Брюсов и счел нужным оправдываться, говоря, что его главным источником для образа Фауста в *Огненном ангеле* был Иоганн Шпис, а не Гете.⁹⁴

В 1910-х гг. Брюсов вынашивал идею драмы «Фауст в Москве».⁹⁵ Замыслы так и не были реализованы. Для нас важно, что В.Б. Муравьев видел связь этого плана с *Огненным ангелом*. В повести есть рассказ Мефистофеля о том, как он сопровождал своего господина Фауста в путешествиях. История занимает всего лишь один небольшой абзац, где перечисляются страны и предельно кратко характеризуются приключения в каждой из них.⁹⁶ По мнению В.Б. Муравьева, Фауст выступает активным

⁹³ Хотя Брюсов и перевел всего *Фауста*, но целиком была напечатана лишь первая часть (Москва-Ленинград: ГИХЛ, 1928), а из второй только пятое действие (юбилейный номер *Литературного наследства*, 1932). См.: В.М. Жирмунский, *Гете в русской литературе* (Ленинград: Наука, 1981), глава 7 («Символисты»), 470.

⁹⁴ Брюсов в *Miscellanea* (*Собр. соч.* 6, 402) ответ на критику Георгия Чулкова («Фауст и Мелкий бес»), *Речь* 8 декабря 1908).

⁹⁵ «История Москвы в творческих замыслах Валерия Брюсова: По неизданным материалам» В Валерий Брюсов, *Неизданное и несобранное: Стихотворения. Проза. Венки Брюсову. Воспоминания о Брюсове. Varia*. Составление подготовка текста и комментарии Василия Молодякова, под ред. Б.Н. Романова (Москва: Ключ, 1998), 239-246 (242). Автор текста в книге не указан. Впервые текст печатался в: *Красная стрела: Сборник антология* (Нью-Йорк, 1932).

⁹⁶ *Собр. соч.*, том 4, 204.

действующим лицом только в Московии.⁹⁷ Нам это не кажется верным. Рассказ о московских приключениях не длиннее других историй. И никакой особой, выдающейся по сравнению с рассказами о посещении других мест, инициативы Фауста здесь не проявляется. Но для нас важно отметить – Брюсов желал перенести старого легендарного персонажа на родную, московскую почву, возможно, усматривая какие-то связи между своей жизнью или жизнью своего окружения с судьбой литературного образа. Сам сохранившийся и опубликованный план драмы не дает достаточно полного представления о сути идей Брюсова.⁹⁸ Единственное, что можно сказать наверняка, что в основе сюжета лежит любовная интрига. Фауст закручивает роман с Еленой Глинской и с Анной. Заканчивается все тем, что Елена, охваченная ревностью, бросает Фауста, Мефистофеля и Анну в темницу. Колдун и демон исчезают. Анна же повесилась в заточении.

Подобная одержимость Фауста любовными похождениями показана и в *Огненном ангеле*. Там Фауст влюбляется в Елену Прекрасную (Спартанскую, Троянскую, Греческую).⁹⁹

Стихотворение, озаглавленное именем интересующего нас персонажа, повествует почти исключительно о его романе с Гретхен (26 ноября 1911).¹⁰⁰ В аллюзии на эпизод из третьего акта второй части *Фауста* Гете («Klassische Walpurgisnacht»), написанной в 1920 году, особо подчеркнуты и выпячены эротические символы.¹⁰¹ А еще все сказанное перекликается со стихотворением «Memento mori»:

Ища забав, быть может, сатана
Является порой у нас в столице:

Одет изысканно, цветок в петлице,
Рубин в булавке, грудь надушена.

И улица шумит пред ним, пьяна;

⁹⁷ Вл. Б. Муравьев. «Неопубликованные и незавершенные повести и рассказы: Предисловие и публикация», в *Литературное наследство*, том. 85, 63-72 (68) (Москва: Наука, 1985). Упомянуто в: «История Москвы в творческих замыслах Валерия Брюсова: По неизданным материалам» В Валерий Брюсов. *Неизданное и несобранное: Стихотворения. Проза. Венки Брюсову. Воспоминания о Брюсове. Varia*. Составление подготовка текста и комментарии Василия Молодякова, под ред. Б.Н. Романова (Москва: Ключ, 1998), 239-246 (243).

⁹⁸ «История Москвы в творческих замыслах Валерия Брюсова: По неизданным материалам» В Валерий Брюсов, *Неизданное и несобранное: Стихотворения. Проза. Венки Брюсову. Воспоминания о Брюсове. Varia*. Составление подготовка текста и комментарии Василия Молодякова, под ред. Б.Н. Романова (Москва: Ключ, 1998), 239-246 (243).

⁹⁹ *Собр. соч.*, том 4, 229.

¹⁰⁰ *Соб. соч.*, т. 2, 76-77. Впервые в: Валерий Брюсов, *Зеркало теней. Стихи 1909-1912 гг.* (Москва.: Скорпион, 1912).

¹⁰¹ *Собр. соч.*, том 3, 63-63.

Трамваи мчатся длинной вереницей...
По ней читает он, как по странице
Открытой книги, что вся жизнь – гнусна.

Но встретится, в толпе шумливо-тесной,
Он с девушкой, наивной и прелестной,
В чьих взорах ярко светится любовь...

И вспыхнет гнев у дьявола во взоре,
И, исчезая из столицы вновь,
Прошепчет он одно: *memento mori!*¹⁰²

Есть и другое стихотворение на эту тему, «Бессонная ночь» (26–27 июля 1920), в котором образ Фауста связан с сочетанием успехов в магическом искусстве и, одновременно, с любовной одержимостью:

Бессонная ночь

За окном белый сумрак; над крышами
Звезды спорят с улыбкой дневной;
Вскрыты улицы темными нишами...
-Почему ты теперь не со мной?

Тени комнаты хищными птицами
Все следят, умирая в углах;
Все смеются совиными лицами;
Весь мой день в их костлявых когтях.

Шепчут, шепчут: «Вот – мудрый, прославленный,
Эсотерик, кто разумом горд!
Он не гнется к монете заржавленной,
Не сидит он меж книг и реторт!»

Юный паж, он в наивной влюбленности
Позабыл все морщины годов,
Старый Фауст, в зеркальной бездонности
Он *das Weibliche* славить готов.

Либо нам хохотать Мефистофелем,
В ранний час поникая во мглу,

Над его бледным, сумрачным профилем,
Что прижат к заревому стеклу!»

– Полно, тени! Вы тщетно насмешливы!

¹⁰² *Собр. соч.*, том 3, 44. Впервые в журнале *Москва*, номер 1, 1918. Есть и другая версия окончания стихотворения. См. *Собр. соч.*, том 3, 556.

Иль для ваших я стрел уязвим?
 Вами властвовать знаю! Не те ж ли вы,
 Что склонялись пред счастьем моим?

Вновь ложитесь в покорной продолности, –
 Тайте робко в улыбке дневной,
 Вторьте критику свободной безвольности:
 «Почему ты теперь не со мной!»¹⁰³

Несмотря на явный акцент, сделанный Брюсовым на успехи Фауста в любви, речь, конечно, идет не о привязанности к другому человеку, а об утилитарном отношении к действительности. Это право, возможность соблазнить и бросить. Свою возлюбленную Гретхен Фауст оставляет, не спасая ее. И женщина погибает. Такая же участь постигла и другую возлюбленную чернокнижника, Анну. Согласно замыслу драмы «Фауст в Москве» она повесилась в темнице, из которой чародей и черт предусмотрительно скрылись.

Очевидно, Брюсов лишь подчеркивает утилитарный подход Фауста к окружающему миру. Так он относится к женщинам. Но подобный алгоритм поведения (прийти, взять силой, наплевав на последствия) можно спроецировать и на другие сферы. Военные технологии Брюсов также зачисляет в фаустианскую категорию:

Жизнь, косясь в лихорадке, множит подсчеты
 Броненосцев, бипланов, мортир, субмарин...
 Человечество – Фауст! Иль в музеях еще ты
 Не развесил в досталь батальных картин?¹⁰⁴

Явное подчеркивание описаний отношений Фауста именно с женским полом, может свидетельствовать о желании Брюсова выделить чувственность, эмоциональность персонажа. Это косвенное подтверждение в различных текстах Брюсова, о которых речь пойдет далее.

Есть у Брюсова и одно завершенное, опубликованное прозаическое произведение, имеющее четкую связь с образом Фауста – «Ночное путешествие». Хотя имя знаменитого чернокнижника здесь лишь упоминается, а

¹⁰³ Первая публикация – Валерий Брюсов, *Неизданные стихи (1914-1924)* (Москва и Ленинград: ГИЗ, 1928). *Собр. соч.*, том 3, 402-403. Понятие «das Weibliche» явный намек на термин «das Ewig-Weibliche» из заключительной части *Фауста* Гете. Впрочем, источников и коннотаций может быть значительно больше. Брюсов, очевидно, также намекает на стихотворение Владимира Соловьева «Das Ewig-Weibliche», которое имеет много очевидных параллелей с процитированным произведением. Брюсов упоминает стихотворение Соловьева. См., например: *Собр. соч.*, том 6, 222.

¹⁰⁴ Мы процитировали отрывок из длинного стихотворения, написанного в 1923 году. См. *Собр. соч.*, том 3, 425-426.

сам он не является участником событий, Брюсов отчетливо высказывает здесь свое понимание легенды, демонстрирует свое к ней отношение. Текст не поэтический, и это придает повествованию обстоятельности, развернутости. «Ночное путешествие» впервые опубликовано в 1908 году.¹⁰⁵ Тогда Брюсов пребывал в кругу идей, очерченных *Огненным ангелом*. И действительно текст выглядит как развернутый пересказ спора между Мефистофелем и Фаустом в повести.

В «Ночном путешествии» не названному по имени герою, от лица которого ведется рассказ, является Дьявол. Нечистый утверждает свое превосходство над человеком и предлагает показать человеку удивительные миры, недостижимые для него даже при помощи фантазии:

– Ты хвалишься напрасно, – сказал мне Дьявол, – я покажу тебе миры, которых вообразить ты не мог бы.

Дьявол стремится щеголять в наиболее привлекательной для человека форме. Вначале он является в облике, напоминающем оперного Дон-Жуана,¹⁰⁶ но с мохнатыми ладонями и крючковатыми пальцами («как у духа Тьмы на гравюре Дюрера»). После Нечистый становится «похож на мечту о прекрасном Люцифере, и над его ликом падшего серафима слабо светился венец из неярких алмазов».

Дьявол демонстрирует человеку необычный мир, существующий на далекой звезде, утверждая, что есть и другие, не менее удивительные. Однако человек не восторгается. Он находит все многообразие реальных миров скучным:

– Послушай, мне здесь скучно. Ты обещал показать мне мир, который я не могу вообразить. Уверяю тебя, что воображение Фламариона и Уэльса рисовало миры, гораздо более удивительные. Я думал, что ты поведешь меня в области духов света и огня, чьи чувства и понятия в миллион раз сложнее и тонченнее моих; я

¹⁰⁵ Первая публикация – *Весы* 11 (1908), 19–21 (под псевдонимом К. Веригин). Текст включен в книгу Брюсова: *Ночи и дни. Вторая книга рассказов и драматических сцен* (Москва: Скорпион, 1913).

¹⁰⁶ Легенда о Фаусте имеет много общего с легендой о Дон-Жуане. Христиан Дитрих Граббе (1801–1836) даже написал произведение, в котором эти персонажи встречаются (*Don Juan und Faust*). См. например, о сходстве легенд в классической монографии о Фаусте: E.M. Butler, *The Fortunes of Faust* (Cambridge, London, New York, Melbourne: Cambridge University Press, 1952) (repr. 1979). Вводная статья здесь носит название «Фауст и Дон Жуан» (xi–xix). Есть и специальная монография по данной проблематике: Hans Mayer, *Doktor Faust und Don Juan* (Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1979). Специально о Граббе и его месте в традиции данной легенды: Hans Henning, *Faust-Variationen: Beiträge zur Editionsgeschichte vom 16. bis zum 20. Jahrhundert* (München, London, New York, Paris: K.G. Saur, 1993), 297–324.

думал, что ты поведешь меня во вселенные иного измерения, где что-то новое прибавится к мере всех предметов, или во вселенные иного времени, где кроме прошедшего, настоящего и будущего окажется нечто четвертое. А ты, во всей беспредельности бытия, не нашел ничего лучшего, как показать мне фейерверк, который можно точно воспроизвести синематографом, да блуд цветов – зрелище, от которого меня тошнит.

И далее Брюсов обращается к образу Фауста. Человек в «Ночном путешествии» упрекает Дьявола: «Знаешь, старший твой брат, Мефистофель, был куда изобретательнее». Впрочем, это утверждение никак не поясняется автором. Остается непонятным, в чем именно заключается изобретательность Мефистофеля. Но критика вызывает гнев Нечистого, который парирует: «Жалкий червяк! А забыл ты, как Фауст пал ничком на пол, когда явился Дух Земли...?» Человек же произносит магическую формулу и посрамленный Дьявол исчезает, он «рухнул... в огненную бездну».

Текст этот напоминает спор в *Огненном ангеле* «о достоинстве человека» (см. ниже) и о возможности его взять вверх над демонами. Мефистофель, служит Фаусту, все время демонстрируя тому разные фокусы. Но Фауста это не забавляет. Однако Нечистый бахвалится:

– Сколько бы ни потели вы, господа, над формулами и сколько бы ни упражнялись в магическом опыте, все равно уловите вы в свои сети только какую-нибудь жалкую тварь из бесовского мира, ради которой и трудиться не стоило.¹⁰⁷

Ответом Фауста может считать его длинную напутственную речь, сказанную Рупрехту при расставании:

– Никогда не верьте, любезный Рупрехт, если кто-либо скажет вам, будто истинный маг заключил пакт с демоном! Может быть, иной несчастный недоучка и отрекается от вечного блаженства в обмен на несколько пригоршней краденых монет, предлагаемых ему мелкими бесами, но справедливость божия, конечно, не карает за такую сделку, в которой больше невежества, чем греха! А чем могут соблазнить демоны человека, познавшего их природу и пределы их сил? Правда, демоны обладают некоторыми способностями, человеку не дарованными: быстро переносятся с места на место, растворяют свой состав до легкого дыма или сгущают его в любые образы, возносятся в воздушные и иные сферы. Но разве желания человека ограничены тем, что можно удовлетворить помощью таких средств? Разве не жаждет человек познать все тайны всей вселенной, до самого конца, и обладать всеми сокровищами, безо всякой меры? Истинный маг

¹⁰⁷ *Собр. соч.*, том 4, 205.

всегда смотрит на демонов как на силы низшие, которыми можно пользоваться, но подчиняться которым было неумно. Не забудьте, что человек сотворен по образу и подобию самого творца и поэтому есть в нем свойства, непонятны не только демонам, но и ангелам. Ангелы и демоны могут стремиться лишь к своему благу, первые – во славу Божию, вторые – во славу зла, но человек может искать и скорби, и страдания, и самой смерти.¹⁰⁸

Итак, в тексте возникает спор между демоном и человеком. Демон может совершать удивительные вещи. Он наделен особыми способностями воздействия на материю. Но человек внутренне выше. Он способен пожелать столь много, что никакой демон не способен уразуметь, вместить всю глубину его мечтаний, дерзновений. А если вернуться к спору Фауста с Агриппой, то именно здесь и кроется вся его суть его. Как уже было сказано, Фауст и попрекает Агриппу за недостаточную научную отвагу, за недостаточную дерзость.¹⁰⁹ А можно добавить к этому и чувственность. Агриппа сух и интеллектуален. Демоны умеют быть такими. А вот Фауст страстен, его наполняют противоречивые желания. Это его и возвышает. Заканчивается речь Фауста словами, которые мы ранее упустили: «Кто хочет душу свою сберечь, потеряет ее, а кто потеряет, тот сбережет».¹¹⁰

Поэтому не так уж страшно продать душу, в сущности. По крайней мере, положительное отношение к этому акту хорошо видно в незаконченном стихотворении 1909 года, то есть написанном вскоре после *Огненного ангела*:

Как старый маг, я продал душу,
И пакт мой с Дьяволом свершен.
Доколь я клятвы не нарушу,
Мне без лукавства служит он.

Он из ночей моих построил
Дворец с бесчисленностью зал,
Их глубь удвоил и утроил
зеркал.

<.....>
И каждый вечер, раб послушный,
Из мира дум, из круга слов

Меня ведет тропой воздушной
В страну неповторимых снов.¹¹¹

¹⁰⁸ *Собр. соч.*, том 4, 232.

¹⁰⁹ *Собр. соч.*, том 4, 205.

¹¹⁰ *Собр. соч.*, том 4, 232. Эту мысль Брюсов вывел из Нового Завета (Мф 16:25; Мф 10:39; Мк 8:35; Лука 9:24).

¹¹¹ Валерий Брюсов, *Неизданное и несобранное*, 23.

Эту концепцию Брюсов излагает во многих своих произведениях. Например, во втором стихотворении цикла «Опять мгновения» (1917 год):

Качели

Вот опять мы уносимся, взброшенные
Беспощадным размахом качелей,
Над лугами, где блещут некошеные
Снеговые цветы асфоделей.

То – запретные сферы, означенные
В нашем мире пылающей гранью...
И сердца, содроганьем охваченные,
Отвечают безвольно качанью.

Лики ангелов, хор воспевающие,
Вопиющие истину божью,
Созерцают виденья сверкающие
С той же самой мистической дрожью.

И свидетель их светлой восторженности,
Робко взор уклоняя незрячий,
Содрогается, в муке отторженности,
Падший дух в глубине – не иначе!

Ветер вьет одеяние жреческое,
Слабнут плечи, и руки, и ноги,
Исчезает из душ человеческое...
«Будьте вы, как боги!»¹¹²

Таким образом, маг должен идти вперед до конца, ничего не страшась. Это делает его подобным Богу.

Подведем итог. Фауст Брюсова – интеллектуал, презревший человеческие и божественные законы во имя самовозвышения. Он бесстрашно движется вперед, стремясь познать все. Но не просто ради самого знания. Фауст овладевает миром, подчиняет его себе, добиваясь вполне практических утилитарных целей. И моральные ограничения не должны мешать реализации собственных эгоистических желаний. Фауст идет вперед, ломая чужие судьбы. А Брюсов сочувствует такому поведению, считает его образцовым и правильным. И грех – не помеха. Для достижения положения Фауста, по мнению Брюсова, не жалко и душу черту продать. Тем более что человек выше Дьявола. Нечистый может быть лишь средством в

¹¹² *Собр. соч.*, том. 2, 289-290. 1-ая публикация: Валерий Брюсов, *Неизданные стихотворения* (Москва: ГИХЛ, 1935).

познании мира, он может дать толчок развитию людей. Но человек пойдет дальше, он достигнет высоты, Дьяволу недоступные. И не страшщийся ничего, смело движущийся вперед, в конечном итоге, опередит, превзойдет, победит и черта, став сам как Бог.

6. Фауст и Агриппа – два образа магии

Таким образом, Агриппа и Фауст представлены как два типа подхода к контактам с потусторонним. Это не просто персонажи из прошлого, хотя Брюсов и стремится к сохранению исторической достоверности, как в *Огненном ангеле*, так и в других своих работах. Через описание былого автор подбирает ключи к современности. В случае с Агриппой, как уже было показано, об этом прямо заявлено в примечании к повести *Огненный ангел* и в статье «Сочинения Агриппы и источники его биографии». Здесь нет сознательной модернизации сведений о прошлом, нет проекции текущих событий на минувшее. Брюсов стремится раскрыть связь времен. Он находит и показывает в Германии XVI века проблемы актуальные и для современности.

Агриппа – собирательное выражение представлений Брюсова о современных ему (19 – нач. 20 века) оккультистах. Но такой подход не является и попыткой модернизации образа мыслителя эпохи Возрождения. Брюсов верит, что реальный исторический Агриппа представляет одну традицию, один тип мышления, одну форму познания с оккультистами 19-20 веков, например, с Элифасом Леви (1810-1875), Луи Лукасом (1816-1863), Ш. Фовети (1813-1894). Поэтому повесть *Огненный ангел* одновременно воссоздает исторический образ и описывает современность, воспроизводя оригинальные идеи Брюсова.

Кто же такой Агриппа в *Огненном ангеле*? Он хранитель знания. Он причастен древних тайн, бережно оберегаемых адептами. В его руках важная, бесценная истина. Ее нужно и важно хранить и анализировать. Дерзновения же опасны, по мнению Агриппы. Истинному магу пристало действовать предельно рационально, систематически, опираясь на знания. При этом опыты для Агриппы, либо существуют для подтверждения давно известных знаний, либо является фиглярством. Истинный адепт охраняет, оберегает вечные религиозные истины.

Фауст являет нам совсем другой тип. Он идет до конца. Он не перед чем не останавливается. Это не означает пренебрежения знаниями. Вовсе нет. Собственно и Агриппа не вполне пренебрегает экспериментами. Разница в том, что для Агриппы опыт нужен лишь для лучшего понимания известных истин. Сам по себе эксперимент – средство, а не цель. Фаусту же важно знать «как делать», «как достичь», «как добиться». Его знание --

либо лишь средство оптимизировать успешность делания, либо само резульат успешных действий. Ему важна не теория, а практика. Верно для Фауста то, что работает. Проблема лишь в возможности для человека самостоятельно познать невидимое. И здесь помощь демонов может оказаться весьма полезной. Не нужно ее бояться. Настоящий ученый должен дерзать, не страшась ничего. Это единственный путь к познанию всего мироздания. И такое познание не выражается словесными формулами. Здесь у Брюсова речь идет об *овладении* миром, о подчинении вселенной человеку.

Есть еще одно важнейшее различие между двумя типами магов. Агриппа действует во имя рационального знания. Фаусту необходимо чувственное.

Конфликт, спор двух типов адептов не ограничивается текстом *Огненного ангела*, он выплескивается и в поэзию.

Эмоционально бумаги и свободный полет противопоставляются в стихотворении «Кондор» (1923):

Что ж! клонясь к безвольным бумагам,
Черчу пейзажи планет:
От кондоров горных у мага
Заклинаний испытанных нет.¹¹³

А есть у Брюсова стихотворение, где спор двух концепций, отображенный в *Огненном ангеле*, передается очень точно и ясно. Параллели четки и однозначны. Это стихотворение «Легенда лет» из сборника *Дали* (1922):

Мощь – в плиты пирамиды; гнев холодный –
В сеть клинописи; летопись побед –
В каррарский мрамор; в звоны бронз, в полотна –
Сказанья скорбные торжеств и бед;

Мечты и мудрость – в книги, свитки, томы,
Пергаменты, столбцы печатных строк! –
Клад всех венков, что нищенских котомок
Позорный сбор, – запас на краткий срок!

Тем – статуи, музеи – этим! Читайте,
В преданьях стран, певцов и мудрецов! –
Иной поэт пел в дальней Атлантиде,
Все к тем же звездам обратив лицо.

¹¹³ *Собр. соч.*, том 3, 103. Перекликается со стихотворением Леконта де Лиля «Дремота кондора». Брюсов его переводил. Мы процитировали отрывок из стихотворения.

При прежнем солнце глянет день, и, к тайнам
 Причислен, станет баснословен – слон.
 Бред в смене бредов – Архимед с Эйнштейном,
 Легенда лет – Москва иль Вавилон.

Искать? чего? – крупинки в вихрь вселенной
 Не вдвинуть! Сны? – им все во власть ли ты
 Предашь? Длить вечность Фаусту с Еленой,
 Где призрак-мысль и призрак-страсть слиты!¹¹⁴

Итак, есть поражающая воображения традиция, «Мошь – в плиты пирамид... Сказанья». Накоплены фантастические знания, которые отображены и в памятниках архитектуры (пирамиды, «в каррарский мрамор; в звоны бронз, в полотна», статуи, музеи), и в письменных текстах (клинопись, «книги, свитки, томы, пергаменты, столбцы печатных строк»), и в устных преданиях («в преданьях стран, певцов и мудрецов!»). Очевидно, это и есть оккультизм, представленный в *Огненном ангеле* Агриппой. Оккультизму противостоит современная наука. Но ничем, по сути, она от него не отличается. Поменялся взгляд, подход, но содержание осталось неизменным: «Иной поэт пел в дальней Атлантиде, все к тем же звездам обратив лицо». Архимед от Эйнштейна, Москва от Вавилона отличаются лишь удаленностью от нашей собственной эпохи. Вчера в моде была одна словесная оболочка, сегодня другая, а завтра будет третья. Чего же искать в этой ситуации? Нового практического знания, где слиты воедино страстность, искусство с рациональным познанием: «Где призрак-мысль и призрак-страсть слиты»

В союзе чувственности, страсти с рациональным знанием, которое и провозглашается через образ Фауста, Брюсов прозревает основу науки будущего. Собственно, подтверждения этому видны в различных произведениях. Так Брюсов не видит вообще противоречия между целями науки и искусства: «У всех цель – истина».¹¹⁵ Однако познание, истинную философию нельзя ограничивать одним типом познания мира:

Истинной философии предлежит задача проследить все возможные типы мирозерцаний. Ныне это свершается синтетически, через обозрение уже созданных систем; пора ввести в эту работу анализ. Надо лишь сознать, что все возможные мирозерцания равно истинны; надо, найдя свою истину, не удовлетворяться, а искать еще.

¹¹⁴ *Собр. соч.*, том 3. 26. Впервые в: *Дали. Стихи 1922 года* (Москва: Государственное издательство, 1922).

¹¹⁵ Брюсов, «Литературная жизнь Франции: Научная поэзия» *Собр. соч.*, том 6, 160-175. Впервые: *Русская мысль*, 1909, номер 5, отд. II, 147-158.

Мысль – вечный Агасфер, ей нельзя остановиться, ее пути не может быть цели, ибо эта цель – самый путь».¹¹⁶

А роль чувственного, роль искусства в новом знании состоит в их том, что они могут обеспечить прорыв в вечность, который лежит за рамками рационального. Науки дают лишь приблизительную информацию о мире, но они важны как система, вносящая порядок в хаос:

... искусство есть постижение мира иными, не рассудочными путями. Искусство – то, что в других областях мы называем откровением. Создания искусства это – приотворенные двери в Вечность.... Явления мира, как они открываются нам во вселенной – растянутые в пространстве, текущие во времени, подчиненные закону причинности, – подлежат изучению методами науки, рассудком. Но это изучение, основанное на показаниях наших внешних чувств, дает нам лишь приблизительное знание.... Наука лишь вносит порядок в хаос ложных представлений и размещает их по рангам, делая возможным, облегчая их изучение, но не познание.¹¹⁷

7. Потустороннее и новая наука

Наука будущего, по замыслу Брюсова, должна быть тесно связана с сокровенным знанием, с магией, с оккультизмом, со спиритизмом. Так в уже ранее процитированном нами отрывке из работы *Учители учителей* прямо, без оговорок сообщается о «кругах ученых, которым обычно дается название оккультистов». Здесь очевидна слепая вера. Никаких сомнений в эффективности оккультного знания у Брюсова нет.

Еще ранее, в работе *О искусстве* (1899), было заявлено о необходимости построения новой науки, которая бы включила в себя искусство, магию и спиритизм. Важность такого знания обосновывается его предполагаемой высокой практичностью и эффективностью, возможностью наилучшим образом достигать поставленных целей. А еще оно будет непреходящим, не зависящим от велений времени. Это его радикально отличает от современной науки:

В наши дни везде предвозвестники и указатели нового. В душе своей мы усматриваем, чего не замечали прежде: вот явления распада души, двойного зрения, внушения; вот воскрешающие сокровенные

¹¹⁶ «Истины (Начала и намеки)» – Впервые в альманахе *Северные цветы на 1901 год* (Москва, 1901). *Собр. соч.*, том 6, 55-61 (56-7).

¹¹⁷ Впервые: В.Я. Брюсов, «Ключи тайн», *Весы* 1 (1904), 3-21. Статья многократно перепечатывалась. В том числе см. *Собр. соч.*, том 6, 78-93; Валерий Брюсов, *Среди стихов. 1894-1924. Манифесты, статьи рецензии* (Москва: Советский писатель, 1990), 89-101. Цитата из раздела IV. Нужно сказать, что здесь упомянут и Фауст Гете как образец познания через красоту.

учения средневековья (магия) и попытки сношений с невидимыми (спиритизм). Тогда возникнут новое искусство и новая наука, более совершенно достигающие своих целей. Наши наука и искусство временны, сравнительно с духом смерти.¹¹⁸

Скорее всего, желание объединить искусство, которое для Брюсова в первую очередь представлено поэзией, и магию связано с пониманием роли слов в этих двух сферах деятельности. Конечно, невозможно, проследить весь ход мысли Брюсова во всей полноте, но в своих кратких отрывочных дневниках он особо отметил (1898 год):

Авг., 13....Велико таинство слов и их могуществ.... Счастлив, кто знает заклинания...¹¹⁹

Брюсов был убежден – изменился сам человек. А новому, современному человеку необходимо и новое знание: «Новое искусство произошло от того, что человек изменился.... Скоро наука – психология – должна будет измениться».¹²⁰

Брюсов инициировал дискуссию о принципах новой науки и безотносительно к искусству. Эта проблема его занимало долгие годы. Подошел он к ее решению серьезно и основательно, уделяя особое внимание методологии. Брюсов стремился выстроить отточить базовые принципы новой науки, активно вступая в дискуссии по данной проблематике.

В 1900 году Брюсов публикует в основном российском журнале, размещавшем в те годы работы по спиритизму, в *Ребусе*, статью «Метод медиумизма».¹²¹ Здесь утверждается, что «у большинства исследователей медиумических явлений замечается стремление изучать их теми же приемами, как в естествознании изучаются явления физические и химические». И, действительно, продолжает автор, изучать можно любые явления, «в которых замечается повторность». Но, при этом, каждая наука обладает своими особыми специфическими методами исследования. «Никому не приходит в голову применять естественно-научные методы к наукам гуманитарным...» Изучение медиумизма – новая область. И она требует своей

¹¹⁸ *Собр. соч.*, том 6, 43- 54(53-4). Впервые как отдельная брошюра (Москва, 1899).

¹¹⁹ Валерий Брюсов, *Дневники 1891-1910*, подготовила к печати И.М. Брюсова, прим. Н.С.Ашукина (Москва: Издание М. С. Сабашниковых, 1927) (пер. Letchworth-Herts, England: Bradda Books, 1972), 47.

¹²⁰ В интервью о пьесе П.Д. Бобрыкина «Накипь». См.: *Русский листок* 1900, 12 октября. Перепечатано в: Валерий Брюсов, *Среди стихов. 1894-1924. Манифесты, статьи рецензии* (Москва: Советский писатель, 1990), 58-59.

¹²¹ Валерий Брюсов, «Метод медиумизма», *Ребус*, 30 (1900), 257-259. Перепечатано в: Н.А. Богомолов, *Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы* (Москва: Новое литературное обозрение, 1999), 298-302.

методологии. Далее Брюсов пускается на поиски подходов к данному явлению. Он примеряет физику и психологию. Но его вывод – они не годятся. Любое естествознание допускает лишь трехмерное пространство, а медиумизм нельзя объяснить без допущения четвертого измерения. Психология же предполагает временную последовательность явлений. К медиумизму неприменим такой порядок.¹²² Нормальный ход времени исключает предсказания и общение с умершими. Ведь они нарушают нормальную временную последовательность явлений. Выходит, современная наука не может изучать медиумизм, потому что основывается на опыте, предполагающем пространство и время.

Есть еще проблема с наблюдением явлений. В медиумизме видны «лишь проявления неизвестной причины, причем ее *modus operandi* лежит не только за пределами нашего исследования, но, пожалуй, и за пределами нашего понимания».

По мнению Брюсова, именно сложность изучения медиумизма провоцируют недоверие к нему официальной науки. Но это недоверие и мешает изучению реально существующих явлений. Задачей науки должна быть не дискредитация медиумизма любой ценной, а его изучение и объяснение.

Статья заканчивается реальным практическим предложением Брюсова по методологии. Он заявляет, что «ко всем другим фактам природы мы относимся как повелители». Но для изучения медиумизма это не подходит. Поэтому «мы должны стать учениками неизвестных нам интеллектуальных сил». Ведь:

Медиумизм дает знания, быть может, наиболее значительные, наиболее важные для людей среди всех знаний. Зачем же пытаться втиснуть изучение этой науки в рамки, ей несвойственные и слишком узкие.

Статья вызвала споры и отзывы, ознакомившись с которыми, Брюсов написал новую работу «Еще о методах медиумизма».¹²³ Здесь он утверждает – фактов по «медиумическим явлениям» накопилось много. Нужна теория. Но на основании имеющейся информации ничего пока не удастся построить. Виной тому отсутствие продуманного метода исследований. Опытное знание не может притязать «на безусловную (абсолютную) истинность своих заключений». По мнению Брюсова, полученное опытным

¹²² Ср.: «... время для меня остановилось, как для умершего, по спиритической теории, и длится один долгий день разлуки». (Валерий Брюсов, *Переписка: Нина Петровская (1904-1913)* (Москва: Новое литературное обозрение, 2004), 83).

¹²³ Валерий Брюсов, «Еще о методах медиумизма», *Ребус*, 41 (1900), 349-351. Перепечатано в: Н.А. Богомолов, *Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы* (Москва: Новое литературное обозрение, 1999), 303-308.

путем не может претендовать на всеобщность и необходимость. Другое дело, математика. Эта наука не относится к опытным и именно поэтому ее выводы неоспоримы. Однако «она имеет значение лишь для нашего ума». Таким образом, любое объяснение медиумических явлений никогда не будет непререкаемой истинной. Далее, согласно Брюсову, не известно какая сила проявляется в медиумизме. А мы отметим, что это согласуется с описанным ранее сеансом в *Огненном ангеле* (см. раздел 2). Там общение происходит не с мертвыми, что соответствовало бы общепринятому пониманию сути спиритизма, а с демонами. Такая позиция хорошо согласуется со сказанным в «Еще о методах медиумизма». Брюсов, настаивая на наличии противоречия с «самой основной предпосылкой физики», законом сохранения энергии, видит в медиумических явлениях «проявления духа». Это убеждение он считает «краеугольным камнем науки о медиумизме». Ведь «признание изначальности, самобытности духа составляют основное условие для изучения медиумических явлений – подобно тому, как только зрячий может изучать гармонию красок». Это предполагает творческий, разумный источник изучаемого предмета, а простая механическая причинность здесь отсутствует. Сами методы исследования медиумизма Брюсов сводит к трем типам:

1. Наблюдение человеческого духа. Из ссылок Брюсова ясно, что речь идет о наблюдении за медиумом.
2. Непосредственное духовное общение с силой, проявляющейся медиумически. Сюда Брюсов относит и магию, и собственно медиумизм, и деятельность пророков.
3. Наблюдение со стороны «проявлений медиумической силы», под которыми в данном случае Брюсов подразумевает паранормальные явления.

Второй тип методов является самым важным. Ведь «исследователь медиумизма не должен никогда забывать, что его конечная цель – знакомство с духом». Только так могут быть получены главные сведения, «разумные духовные сообщения иной области бытия».

Среди всех работ Брюсова о медиумизме и методологии новой науки наибольшую известность приобрела статья «Ко всем кто ищет». Впервые она была опубликована как предисловие к книге стихов известного спирита, медиума и поэта Александра Александровича Ланга (1872–1917) *Лествица*, выступившего в данном случае под псевдонимом Александр

Миропольский.¹²⁴ Брюсов начинает с апологии спиритизма. Он видит основных критиков с двух сторон:

1. Те, кому нестерпимы разговоры о душе.
2. Для «новых мистиков» (напомним, что Агриппа согласно примечанию Брюсова к *Огненному ангелу* близок новым, а не старым магам) нестерпим спиритизм, потому что «порывается к опытным наукам».

Но, по мнению Брюсова, нужно смело идти вперед. «Созидателям нового, искателям обетованных стран нечего прятаться за окопы и укрепления». Далее, современная наука, основанная на идеях Бэкона и Декарта создала свой «особый замкнутый мир, вовсе не адекватный бесконечной вселенной». Возможности такого узкого мировоззрения вскоре будут исчерпаны и им будет указано их место – «в прихожей и на улице: пусть они зажигают там электрические лампы и катают вагоны». В мире наблюдается кризис духовной жизни и потому необходимо новое знание о духовном. Очень много фактического материала, способного послужить развитию такой науки, осталось от прошлого. Это и вера в различных духов, и ясновиденье, и хорошо разработанные магические и предсказательные практики. Но современный спиритизм, или медиумизм начинается с 1848 года, с «Рочестерских стуков».¹²⁵ Ошибкой изучения его является применение физики, позитивистского подхода. Но есть и положительная тенденция:

Внимание исследователей от физических явлений обратилось к их духовному содержанию. Истинным объектом науки о медиумизме стали те сообщения, которые получают медиумическим путем.

Таким образом, Брюсов снова возвращается к «проявлениям духа» как основе спиритизма. И все же речь идет о вполне материальных феноменах. Духи реально и внятно «проявляются», сообщая необходимую исследователю информацию. Далее Брюсов проговаривает разные гипотезы о сущности спиритизма. Ни одну из них он не считает вполне доказанной и достойно полного доверия. Брюсов разворачивает перед читателем полотно,

¹²⁴ Александр Миропольский (Александр Ланг), *Лествица* (Москва: Скорпион, 1902), 7-22. Перепечатана в: Валерий Брюсов, *Среди стихов: 1894-1924. Манифесты, статьи, рецензии* (Москва: Советский писатель, 1990), 61-68.

¹²⁵ Брюсов сам является автором статьи по истории спиритизма: В. <В.Я. Брюсов>, «Спиритизм до Рочестерских стуков» *Ребус* 7 (17 февраля 1902): 69-71; 11 (17 марта 1902): 109-111; 14 (7 апреля 1902), 143-144; 18 (5 мая 1902), 180-181; 29 (21 июля 1902), 271-273. Здесь, впрочем, Брюсов приводит доказательства того, что спиритизм имеет давнюю преемственность.

понуждая его к самостоятельным выводам. Заканчивается это все программным заявлением:

Невозможно точно дать себе отчет, сколь иной открывается вселенная, и собственное существование, и все наши мыслимые отношения к себе, к другим, к Богу. Познавание этих условий бытия может и должно ускорить шаг человечества по пути к совершенству.

В том же 1902 году был опубликован в газете *Московские ведомости* отзыв на книгу Миропольского *Лествица* и предисловие к ней, «Ко всем, кто ищет». Текст озаглавлен – «Наши декаденты», а подпись под ним – В.Б.¹²⁶ Это не единственный критический текст. Отозвались на построения Брюсова, например, П. Чистяков,¹²⁷ И. Ясинский,¹²⁸ Павел Флоренский (1882-1943).¹²⁹ Для нас же представляет интерес именно статья «Наши декаденты», так как автором ее является сам Валерий Брюсов, пожелавший скрыться за псевдонимом.¹³⁰ Не беремся судить, зачем автору потребовалась эта мистификация. Причины могут быть самими разнообразными. Но независимо от истинных мотивов получилось ощущение диалога. Хотя автор у двух статей один.

Тон рецензии резкий. Это создает иллюзию критики. Хотя содержание несколько не опровергает статью «Ко всем, кто ищет», но, напротив, как бы дополняет ее. В «Наши декаденты», Брюсов, скрывшись за инициалами «В.Б.», обрушивается на символистов. Якобы, в их мировоззрение «играет громадную роль мистический элемент, известного рода туманность». По словам Брюсова-В.Б. этот элемент ничего общего с истинным мистицизмом не имеет. Далее следует защита «положительной» науки. В «Ко всем, кто ищет» было о ней написано очень жестко, но не так уж и отрицательно.¹³¹ В «Наши декаденты» Брюсов сглаживает впечатление от ранее

¹²⁶ В.Б. <В.Я. Брюсов>, «Наши декаденты», *Московские ведомости* 340 (10 декабря 1902): 5. Перепечатана в: Валерий Брюсов, *Среди стихов: 1894-1924. Манифесты, статьи, рецензии* (Москва: Советский писатель, 1990)

¹²⁷ Чистяков П., «*Лествица*. Поэма А.Л. Миропольского» *Ребус* 2 (12 янв. 1903): 20-21.

¹²⁸ <Ясинский И.> «*Лествица*. Поэма в 7 главах А.Л. Миропольского. М., 1903», *Почта-льон* 2 (1903): 95.

¹²⁹ Павел Флоренский, «Спиритизм как антихристианство. По поводу двух поэм: «*Лествица*» А.Л. Миропольского», 1902; А. Белый, «Северная симфония» (1-ая героическая), 1903» *Новый путь* 3 (1904). Статья перепечатывалась. Есть она и в Интернете. См., например: http://krotov.info/library21_f/fo/rensky_001.htm.

¹³⁰ Э.С. Даниелян, сост., *Библиография В.Я. Брюсова: 1884-1973* (Ереван: Издательство Ереванского университета, 1976), 22 (I, 128).

¹³¹ Намного резче Брюсов пишет о науке Бунину в 1899 году: «Я эту самодовольную, эту самоуверенную науку – ненавижу, презираю». Но эти строки не были предназначены для печати и имеют особый контекст, так что не могут рассматриваться как часть продуманной концепции Брюсова. См. И.С. Газер, изд., «Письма В.Я. Брюсова к И.А.

сделанных выпадов. В конце концов, он заявляет – автор «Ко всем, кто ищет» создает науку, но сам в ней не уверен: «Заметьте, что г. Брюсов все время как будто сам не уверен в своей 'науке' он почти всегда добавляет слова: некий, может быть, по-видимому и т.д.» В заключение, можно сказать – статья «Наши декаденты» лишь добавляет позитивизма и утилитарности презентацию новой науки.

А в статье «Ключи тайн» (1904, но на основе лекции 1903 года), как уже было отмечено в конце предшествующего раздела, Брюсов вносит предельную ясность в понимании функций рационального и опытного знания vs искусства в составе новой науки. Только посредством искусства можно познать вечное, запредельное, да и вполне земное, но во всей его полноте. Современные же естественные и точные науки удобны как вспомогательные дисциплины. Они удобны для организации и систематизации знаний.

Брюсов дает очень различные характеристики современной науки. Это делается на фоне достаточно ясного, четкого определения ее функций и положения в составе «нового знания». Для чего? Очевидно, Брюсов пытается предельно ясно выразить функцию и степень участия современного рационального и опытного познания в науке будущего.

Как мы уже показали, Брюсов не видит смысла в бесплотных теоретизированиях. Отсюда и его критика современной науки. Ведь ее горизонты ограничены. Классическая наука неуспешна и неэффективна в делах духовных (об этом Брюсов ясно высказался на страницах *Ребуса*). А это значит, она ограничено и в выяснении реальных смыслов явлений, в получении выгоды из контактов с потусторонним. При этом сами «научные эксперименты» граничат с надругательством над человеком. В рассказе Брюсова «Торжество науки: Записка посещения Теургического института» (1918) речь идет о «научном», «материальном» подходе по восстановлению (воскрешению) личностей умерших. Воскрешенных можно наблюдать. Они вполне материальны. Но «внешность восстановленного есть отображение его собственного представления о самом себе» – они предстают как жуткие уродцы. Два восстановленных «объекта», при попытках заговорить с ними требуют еду, а один все время стонет. Главный герой выбегает из лаборатории с мыслями: «Скорее, скорее на волю, к живым людям!»¹³²

Бунину,» в *Брюсовские чтения 1963 года*, редактор-составитель К.В. Айвазян, 554-562 (Ереван: Армянское государственное издательство, 1964), 558.

¹³² См. Валерий Брюсов. *Огненный ангел: Роман, повести, рассказы*, составление и примечания Николая Климова (Санкт-Петербург: Северо-Запад, 1993), 127-134. Впервые рассказ был напечатан в журнале *Техника – молодежи* (номер 12, 1963) под заголовком «Не воскрешайте меня!»

Итак, по Брюсову, современные духовные знания непрактичны и неконкретны, а возможности официальной науки крайне ограничены. Эти два вида знания завели человечество в тупик. Выход – в поиске синтеза. При этом речь идет не об ассимиляции одного вида знаний другим, а о об их объединении на принципиально новой основе.

Ормузд и Ариман, или моральная проблема

Об отношении Брюсова ко злу, о сатанизме в его текстах было довольно написано. И здесь творчество зачастую сливается с исследованиями. Мы не будем развивать эту тему. Тем более, что обсуждение библиографии, в которой художественные тексты почти неотделимы от научных может лишь запутать и увести в сторону основную линию повествования. Скажем лишь, что подробно эта тема разбирается в сравнительно новой статье Кристи А. Гроберг в широком контексте культуры серебряного века.¹³³ Указанная работа вполне может служить отправной точкой для изучения проблемы. К этому, пожалуй, следует присовокупить исследование М.А. Беньковича. Там много сказано о брюсовском позиционировании себя в качестве черного мага в связи с написанием повести *Огненный ангел*.¹³⁴ Мы же ограничимся некоторыми замечаниями, проясняющими концепцию новой науки.

Уже довольно было сказано о резко негативном отношении Брюсова к официальной религии, к теологии, высказанное на страницах *Огненного ангела* (см. раздел 2). Автор рационально объясняет свою неприязнь. Но, как мы показали, его аргументы не выглядят убедительно. Выпады Брюсова эмоциональны, а их обоснования более чем сомнительны.

Неприязнь иррациональна и потому плохо поддается рациональному анализу. Но, возможно, она связана с одним любопытным аспектом идей Брюсова, который имеет смысл представить для ясного понимания темы, затронутой в данной статье.

Образец ученого, Фауст, продал или «продал» душу. В *Огненном ангеле* автор ему подчеркнуто сочувствует и не видит ничего заслуживающего порицания. Фауст здесь – сугубо положительный персонаж. Как уже было сказано, во многих текстах Брюсова мотив продажи души повторяется и везде он подается как хорошее, похвальное деяние. Это можно увидеть и в стихотворении 1909 года «Как старый маг, я продал душу», и в еще

¹³³ Kristi A. Groberg, "'The Shade of Lucifer's Dark Wing': Satanism in Silver Age Russia", *The Occult in Russian and Soviet Culture*, edited by Bernice Glatzer Rosenthal, 99-133 Ithaca and London, 1997.

¹³⁴ М.А. Бенькович, «'Огненный ангел' Валерия Брюсова (Этап интеллектуальной дуэли)» в *Из истории русской литературы и литературной критики: Вопросы русского языка и литературы: Мужвузовский сборник*, Кишинев, 1984 18-36.

большей степени в «Качели» (1917), наконец, с некоторыми оговорками, идея просматривается и в рассказе «Ночное путешествие» (1908). А в статье «О методах медиумизма» Брюсов дает совершенно ясный и однозначный ключ к данной идее. Сходные утверждения не в столь открытой форме сформулированы и в других перечисленных ранее сочинениях, и в других статьях о новой науке. Очевидно, что эта мысль была важна и изначально для методологии Брюсова. Он ее выразил уже в первой своей методологической статье столь отчетливо, что потом хватало лишь кратких отсылок к ней. Идея проста. В «О методах медиумизма» Брюсов утверждает – «ко всем другим фактам природы мы относимся как повелители», но для изучения медиумизма это не вполне подходит. В других статьях оказывается, что наука о медиумизме универсальна, она должна дать целостное знание о Вселенной. Поэтому здесь Брюсов настаивает на ограниченных возможностях человеческого познания, на наличии сфер, куда человек не может проникнуть самостоятельно. И на этом основании утверждается – «мы должны стать учениками неизвестных нам интеллектуальных сил», то есть духов.

Таким образом, «продажа души» настоятельно рекомендована Брюсовым как ключевое, важнейшее условие развития науки и самого человека. Согласно стихотворению «Качели» – это путь к тому, чтобы самому стать Богом. А Фауст, споря с Мефистофелем, как уже было сказано в пятой части (мы это назвали речью «о достоинстве человека») говорит о наличии у человека жажды познания, которая отсутствует у чертей. Хотя демоны знают и могут многое из недоступного человеку, но человек выше их. Человек создан по образу и подобию Бога. Поэтому люди сильнее демонов и вполне способны подчинить их своей воле, использовать их для своих целей.

Похожие утверждения можно обнаружить и в «Ночном путешествии». Здесь Дьявол демонстрирует человеку свою власть над природой. Но человек, не обладая возможностями Нечистого, внутренне оказывается сильнее. Человек демонстрирует свою власть над Дьяволом, подчиняя его своей воле.

Но не во всех текстах все так радужно, как может показаться на первый взгляд. Интересно в этой связи стихотворение «Ученый» (1895), посвященное Владимиру Максимовичу Фриче (1870-1929), историку западноевропейской литературы, университетскому товарищу Брюсова:

Вот он стоит, в блестящем ореоле,
В заученной, иконописной позе.
Его рука протянута к мимозе,
У ног его цитаты древних схолий.

Уйдем в мечту! Наш мир – фата-моргана,
Но правда есть и в призрачном оазе:
То – мир земли на высоте фантазий,
То – брат Ормузд, обнявший Аримана!¹³⁵

Речь здесь, конечно, идет о союзе интеллектуального знания («цитаты древних схолий») с чувствами, фантазией, искусством («рука протянута к мимозе», «уйдем в мечту», «на высоте фантазий»). Очевидно, что Ормузд олицетворяет собой разумное, позитивное начало, а Ариман – мир эмоций. Это именно тот тип союза, который провозглашается Брюсовым как «новая наука». Он же прославляется в образе Фауста.

Однако письмо Брюсова Павловской (25.11.1896) заставляет взглянуть на все это и под несколько другим углом:

Есть два мира – светлый и желанный мир идей, мир отношен(ий) и сознания – и другой мир – мир темных чувствований. Они борются от века, как Агур(а)мазда и Ангр(о) Манью и вечное торжество суждено Злому Духу! Поклонят(ься) Сатане!¹³⁶

Агур(а)мазда и Ангр(о) Манью – это написанные на персидский манер имена богов. В европейской традиции их чаще называют Ормузд и Ариман. Выходит, что новая наука Брюсова не просто призвана объединить чувства и разум, современные науки и искусство в единое, нераздельное знание о мире. Речь идет о куда более широкой программе. Брюсовская новая истинная наука сливает воедино добро и зло. И речь идет не о каких-то далеких персидских сюжетах. Брюсов переносит все на христианскую почву. Борьба света с тьмой – борьба Ормузда (Бог) и Сатаны (Ариман). А в конце времен одержит вверх именно зло, темное начало. Победит Сатана. Хотя, конечно, данное утверждение Брюсова может быть лишь шуткой, розыгрышем.

Дуалистическое мировосприятие крайне присуще Брюсову и осознается им как в персидских, так и в христианских терминах. Например, это хорошо видно в одном его письме к Самыгину (18-32.01.1900):

Я не знаю третьего пути. Или Сатана или Христос. Сладко быть и тем и другим, но нельзя не быть ни тем ни другим.¹³⁷

¹³⁵ *Собр. соч.*, том 1, 569. Впервые: *Русские символисты*, Вып. 3 (Москва, 1895). В первой публикации без заголовка.

¹³⁶ *Литературное наследство*, ответственный редактор Н.А. Трифонов. Том. 98, кн. 1, 719 (Москва: Наука, 1991).

¹³⁷ *Литературное наследство*. Том. 98, кн. 1, 401.

Здесь Брюсов ратует за объединение добра и зла, но утверждает о недостижимости этой задачи.

При все этом дуализме, Брюсов представляет себе добро и зло, рациональное и иррациональное слитым воедино, сторонами нашего мира, в равной степени важными:

Скала к скале; безмолвие пустыни;
Тоска ветров, и раскаленный сплин.
Меж надписей и праздничных картин
Хранит утес два образа святыни.

То – демоны в объятиях. Один
Глядит на мир с надменностью гордыни;
Другой склонен, как падший властелин.
Внизу стихи, не стертые доныне:

«Добро и зло – два брата и друзья.
Им общий путь, их жребий одинаков».
Неясен смысл клинообразных знаков.

Звенят порой признанья соловья;
Приходит тигр к подножию утеса.
Скала молчит. Ответам нет вопроса.¹³⁸

9. Вывод

Брюсов широко пропагандировал идею создания новой науки, которая бы объединила рациональное и иррациональное, современную науку и искусство, посястороннее и потустороннее и позволила бы познать человеку мир во всей его полноте. Эта идея появляется во многих его текстах. С середины 90-х можно говорить о ее явном и навязчивом наличии в поэзии. Например, в написанных в 1895 стихотворениях «Ученый» и «Скала к скале; безмолвие пустыни». В 1899 году Брюсов уже публикует работу *О искусстве*, в которой теоретически стремится обосновать необходимость и основные принципы новой науки. Затем следует множество других текстов, развивающих данное направление мысли, что доказывает важность темы для Брюсова. Он спорит и с многочисленными оппонентами, и с самим собой, пытаясь нащупать базовые принципы новой науки. Работа над данной идеей продолжается, очевидно, до конца жизни. По крайней мере, очень важные соображения Брюсов высказывает в своей поздней работе

¹³⁸ Написано 7 января 1895. Первая публикация: *Сборник Chefs d'œuvre. Сборник стихотворений (осень 1894 – весна 1895)* (Москва, 1895); 2-е издание: Москва, 1896. Стихотворение включено в цикл «Méditations». В рукописи помета: «Вечер». Перепечатано также в: *Собр. соч.*, том 1, 579.

Учители учителей (1917), в различных стихах и частных беседах (например, с А.П.Остроумовой-Лебедевой в 1924 году).

Уникальность *Огненного ангела* состоит в том, что здесь Брюсов высказывает свои идеи не туманно, как в стихах и не сухо, как в коротких статьях. В повести картина разных способов исследований, разные опции изучения потустороннего показаны в своей полноте, продемонстрированы на обстоятельно и аккуратно выписанных примерах. Сам текст имеет множество параллелей с другими литературными и теоретическими работами Брюсова. Идеи *Огненного ангела*, поэтому легко проверяется, сверяются с любым иным выражением похожих мыслей. Повесть словно развернуто разъясняет, иллюстрирует мысли Брюсова о новой науке.

Брюсов в *Огненном ангеле* описывает следующие формы изучения потустороннего:

1. Общение Рупрехта с «проявлениями духа», «говорящими» посредством стуков. Опыт носит спонтанный характер. Ему не предшествует теоретическая подготовка. Действия оканчиваются провалом.
2. Полет Рупрехта на шабаш. Полное подчинение потусторонним силам, без отягощения себя теоретической подготовкой. Опыт может показаться успешным. Но здесь человек оказывается в зависимом, подчиненном положении. Он даже не вполне осознает успешность опыта.
3. Агриппа. Древняя оккультная традиция, сохраняемая посвященными. Знания рациональны. Важно и достаточно знать эту освященную древней традицией истину. Опыты вторичны. Они важны лишь для подтверждения сугубо теоретических, уже известных заранее догм.
4. Фауст. Единение знания и чувства. Стремящийся к полному, всеобъемлющему знанию и подчинению Вселенной своей воле, своим эгоистическим желаниям, человек. Методологически это возможно лишь обращаясь к потусторонним силам. Так можно перешагнуть через гносеологический предел, стоящий перед людьми. Но общение с потусторонними силами не означает рабской зависимости от них. Мудрый, подготовленный человек вполне способен к подчинению, на первый взгляд, значительно превосходящих его сил. Такая позиция имеет очевидное антихристианское содержание. Но истинный ученый не должен ничего бояться. Только отважному откроются вершины новой науки.

Уникальность повести *Огненный ангел* состоит в том, что она сама может восприниматься как опыт исследовательской работы, выполненной

по методологическим принципам новой науки. Она является продуктом провозглашенных Брюсовым новых исследовательских принципов. В тексте есть много автобиографического. Известно о проекции на нее романтических отношений автора. Есть основания считать, что и дотошные описания магического и медиумического опыта отражают личный опыт Брюсова. К этому нужно прибавить, что Брюсов соединяет в повести кропотливое, тщательное изучение истории, свои мысли по методологии и художественную оболочку. Получается союз опыта (включающего колдовство), науки и искусства. Это и есть исследование в рамках новой науки Брюсова, основанное на новых методологических принципах.